

Невеста авантюриста

Автор:

Луиза Аллен

Невеста авантюриста

Луиза Аллен

Исторический роман – Harlequin #57

Селина Шелли сбежала от бедной несчастливой жизни в доме своего отца, тирана и ханжи, к своей тетке, не зная, что ее добрая тетушка Клара, мадам Деверилл, – содержательница дорогого роскошного борделя в Лондоне. Бежать отсюда было уже некуда. На голову Селины посыпались новые беды: совладелец борделя продал Селину богатому старику, в его доме девушку обвинили в краже, по ее следу идет полиция. Мадам Деверилл спрятала племянницу в поместье своего старого друга, но тот вскоре умер. С трепетом ожидала несчастная беглянка появления наследника своего спасителя, молодого лорда Дрейкотта. Идти Селине больше некуда, в отчаянии она решает попытаться соблазнить его...

Луиза Аллен

Невеста авантюриста

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

Лондон, 4 марта 1815 г.

– Моя дорогая мисс Селина Шелли, вы определенно вносите неоценимый вклад в дело. – Мистер Горпапье, что лежало перед ним, и лукаво улыбнулся.

Лина никогда не видела крокодила воочию, но сейчас, глядя на мистера Мейкписа, могла с легкостью представить это злое и неприятное животное.

– Я полагаю, вы имеете в виду, что я только пытаюсь внести вклад в дело, мистер Мейкпис. И очень надеюсь, что ведением счетов и хозяйства здесь, в «Голубой двери», я смогу возместить хотя бы часть того, чем обязана тетушке Кларе, которая так любезно приняла меня у себя. – Она подняла глаза и взглянула на закрытую дверь, что вела в смежную комнату, принадлежавшую ее тетушке. – А теперь мне действительно пора навестить ее и справиться о здоровье. Я как раз собиралась к ней, когда вы пришли.

– Я не уверен, что вам стоит делать это. – Улыбка мгновенно исчезла с его лица. – Мы ведь не хотим, чтобы и вы подхватили то же, чем больна ваша дражайшая тетушка, не правда ли?

– У нее хроническое заболевание желудка. Сомневаюсь, что этим можно заразиться. – Лина поднялась и направилась к двери. Она оказалась заперта.

– Сядьте, мисс Шелли.

Смутное ощущение беспокойства, которое казалось едва уловимым на фоне гораздо более сильного волнения о здоровье тетушки, вдруг пробежало по

спине тревожной дрожью.

Около месяца тому назад Лина сбежала от своей бедной, несчастливой жизни в доме священника в графстве Суффолк и нашла спасение и убежище у своей тетушки. Лина знала о ней лишь по единственному письму, которое тетушка когда-то прислала ее матери, и для нее стало огромным потрясением обнаружить, что тетушка Клара, которая в ее воображении была уважаемой незамужней дамой, на самом деле оказалась мадам Деверилл, содержательницей одного из самых дорогих и роскошных борделей Лондона.

Но к этому времени Лина уже сожгла за собой все мосты; у нее не было пути назад к безопасной, но вместе с тем жалкой и ненавистной жизни в доме священника, назад к одному из всего двоих людей, которые ее любили, – к сестре, которую она покинула, малодушно сбежав прочь. Отец уже никогда не позволит ей даже ступить на порог родного дома, а скандал, в который она была втянута, мог бросить тень и на старшую сестру.

Лина совершила побег неожиданно, по внезапному велению сердца, хватаясь за последнюю, едва уловимую надежду на спасение, которой было для нее письмо, что она спрятала и хранила в тайне. Она была так бесконечно несчастна и чувствовала себя абсолютно в безвыходном положении, особенно после того, как еще одна ее любимая сестра покинула это место, а потому ни о чем, кроме побега, Лина думать не могла. Однако теперь, зная, что не должна была оставлять Беллу одну, она мучилась угрызениями совести.

Ее тетушка, изящно одетая и в целом весьма пленительного вида женщина, приняла ее, не выказав ни малейшего недовольства, и сразу же выделила ей комнату на верхнем этаже здания, среди частных апартаментов, окна которой выходили на крыши дворца Сент-Джеймс. Кроме того, с самого первого дня тетушка относилась к ней как к родной дочери. «Как же ей было вернуться?» – спрашивала тетушка Клара. Ведь отец ни за что не впустил бы ее назад. Белла была благоразумной, терпеливой девушкой, как говорила тетушка. Если бы она захотела, то тоже непременно уехала бы. Но, несмотря ни на какие уговоры и доводы, совесть по-прежнему терзала Лину.

Гордон Мейкпис стал тайным компаньоном в деле тетушки с тех пор, как несколько лет назад ее чуть не довел до полного банкротства кризис и финансовые сложности с хозяином, у которого она арендовала здание. Тогда его деньги спасли дело, и теперь оно процветало снова. Все это тетушка объяснила

Лине, когда племянница стала настаивать на том, чтобы взять на себя какую-нибудь работу, кроме той, что служила непосредственным целям заведения. С тех пор каждый месяц Лина отсчитывала гиней, составлявшие долю мистера Мейкписа в доходах их предприятия.

Он был загадочной фигурой и появлялся крайне редко до последних дней, а теперь, когда очередной приступ болезни подкосил мадам Деверилл, так что она не могла даже встать с постели, просто появился здесь и без объяснений взял на себя все ее обязанности.

– Почему вы не пускаете меня к тетушке? – настойчиво спрашивала Лина. – Вы не имеете права...

– Я вложил сюда немалую сумму денег; и так как мадам сейчас не в состоянии вести дела, то я хотел бы ознакомиться со счетами и документами. – Он взмахнул рукой, указав на стопку книг и тетрадей. – Я вижу, что далеко не все возможности были использованы, и огромные активы пропадали без дела. Я намерен взять дела в свои руки и навести порядок. Грядут большие перемены. – Это звучало как угроза, а не как предложение.

– Какие перемены? – спросила Лина. Тетушка наверняка скоро поправится, ведь так? Она не допустила бы, чтобы этот человек принимал решения.

– Существуют услуги, которые здесь не предлагают. Услуги, которые были бы очень востребованы и приносили бы высокую прибыль. – Он приподнял бровь и сделал паузу, словно предлагая ей задуматься над сказанным.

Однако Лина слушала очень внимательно, когда тетушка Клара по-своему объясняла ей подробности своего дела, так, чтобы даже самая невинная девушка, дочь священника, могла все понять. В «Голубой двери» продавали секс и удовольствия. Роскошный секс и исполнение самых смелых желаний, приправленных великолепной едой, превосходным вином и широким выбором развлечений.

– Но у меня здесь никогда не будет ни девственниц, – говорила мадам, – ни детей. Я никогда не стану насильно заставлять девушек заниматься этим. Я плачу им достойное жалованье и слежу, чтобы все они были здоровы. – И огонь, которым горели глаза тетушки, когда она произносила эту речь, дал понять

Лине, что это было нечто большее, чем просто правила заведения. Она поняла, что когда-то очень давно кто-то заставил тетушку сделать что-то против ее воли, и это оставило в ее душе глубокий болезненный след.

Позднее, к собственному невероятному потрясению, она обнаружила, что и ее тетушка, и мать – обе в юности были куртизанками. Сначала смятение овладело ею настолько, что она не смогла вымолвить ни слова, но затем, все еще не в силах поверить, она все же осмелилась спросить о том, как это случилось.

– Мы влюбились в двух братьев, – начала рассказ тетя Клара, и в ее улыбке чувствовалась горечь воспоминаний. – Они соблазнили нас и бросили здесь, в районе Сент-Джеймс, куда мы наивно последовали за ними. Мы были юны, доверчивы, совершенно запутались и были влюблены, и очень скоро нас нашел и подобрал содержатель публичного дома. Мы повзрослели очень быстро, – добавила она, и взгляд ее был как будто устремлен назад, сквозь годы. – Мы откладывали деньги, у нас появились состоятельные «друзья», и я сумела открыть собственное заведение, которое постепенно превратилось в «Голубую дверь». Твоя мать, да благословит ее Господь, так никогда и не смогла привыкнуть к этому – она взяла в свои руки ведение хозяйства и счетов, то есть то, чем занимаешься сейчас ты.

Очень со многим в этом рассказе пришлось примириться, во многое поверить. Но один вопрос Лина все же задала.

– Но как же тогда мама встретила папу? – Благодаря моральным принципам преподобного отца Шелли, которым тот сам так неистово следовал, можно было быть абсолютно уверенным, что никогда в жизни он не ступал на порог ни одного борделя.

– Она встретила его в Грин-парке. Аннабель была всегда элегантно одета, как настоящая леди. Он споткнулся и подвернул лодыжку, а она остановилась и предложила ему помощь. Это была любовь с первого взгляда. В то время он еще не был таким фанатичным пуританином, в которого превратился потом, – презрительно хмыкнув, сказала тетя Клара. – Это произошло с ним позже. Безусловно, моя сестра никогда не говорила ему, кем была прежде. Он поверил ее рассказу, что я вдова, а она живет со мной и помогает вести хозяйство. Они поженились, и он увез ее в пустынные дебри Суффолка, потом у них родились три дочери, и затем, год за годом, он становился все более жестким и высокомерным, превращаясь в ханжу и лицемера. И любовь в жизни твоей

матери постепенно сменилась ежедневным, бесконечным несчастьем.

Интересно, – задумчиво сказала тетушка, – знал ли твой отец или, быть может, хотя бы что-то подозревал об истинном прошлом твоей матери? Нам никогда не узнать этого. А потом она встретила Ричарда Ловата, и они сбежали вместе. Она писала мне и была уверена, что ваш отец позволит всем вам приехать к ней, в конце концов, вы были еще совсем детьми. Однако он отказал. Аннабель не помнила себя от горя, но Ловат увез ее за границу, а спустя два года, в Италии, ее не стало. Думаю, она так и не смогла простить себе того, что оставила вас.

Лина почувствовала, что глаза ее застилает предательская пелена, и снова обратила взгляд на человека, который сидел по другую сторону письменного стола. Она покинула Беллу, точно так же, как когда-то ее мать оставила своих дочерей. Должно быть, теперь ей предстояло расплатиться за тот необдуманный, эгоистичный, почти панический порыв, поддавшись которому она совершила побег.

– И что же вы собираетесь делать? – стараясь скрыть свое душевное состояние, спросила Лина. Как и любой непорядочный человек, Гордон Мейкпис непременно захотел бы извлечь выгоду из ее страхов.

– Для начала ты должна осознать, что понадобятся определенные вложения. Вот, например, ты сама.

– Я? – С непониманием и одновременно с ужасом переспросила она.

– Ведь ты же девственница, не так ли? Что может представлять здесь наибольшую ценность, если не очаровательная, благовоспитанная юная леди?

– Нет! – воскликнула она и так резко поднялась, что стул с грохотом повалился на пол.

– А я говорю, да. Иначе я буду требовать немедленного возвращения всех моих вложений, и твоя тетушка будет вынуждена продать свое заведение, так как, я уверен, достаточным количеством наличных денег она не располагает. Я, несомненно, выкуплю ее долю, и тогда все эти капризные, избалованные девицы, что работают здесь, будут обслуживать всех клиентов без исключения и станут выполнять абсолютно все, что те пожелают. У меня есть еще немало идей, и все они также принесут неплохую выгоду.

Лина медленно обошла упавший стул. У нее пересохло в горле, а сердце бешено колотилось.

– И что же, вы... вы продадите меня на торгах тому, кто предложит самую высокую цену?

– О нет, нет. Я не стану выставлять тебя на аукцион. На тебя уже есть покупатель. Сэр Хамфри Толхерст.

– Мировой судья? – Но сэру Хамфри как минимум лет пятьдесят. Напыщенный и надменный, приходя сюда, он лишь играл в карты и с вожделием и сальным блеском в глазах разглядывал стройных девушек.

– Да, именно он. Я показал тебя ему еще на улице, и ты его совершенно очаровала. Он, безусловно, не хочет принимать участие в аукционах или прочей публичной деятельности, так как крайне дорожит своей частной жизнью. Учитывая это обстоятельство, мне удалось получить за тебя весьма неплохую цену. – Мейкпис ухмыльнулся. – Просто отличную цену.

– И что потом? – спросила Лина, удивившись собственной дерзости. Никогда прежде она не смотрела так смело в лицо опасности, быть может, только во время угрожающих приступов ярости своего отца. Она всегда была самой робкой из сестер, пугливой девочкой, которая тотчас убегала, если ей не удавалось спрятаться. Однако оказалось, что в исключительной ситуации она была способна оказывать сопротивление и бороться.

– Вы сможете продать мою девственность только один раз. – Ее утверждение было справедливым. Девушки рассказали ей все о возможных способах имитировать невинность, и могли поведать еще много такого, что потрясло бы ее до глубины души. Однако то, что они так открыто и с готовностью принимали эти странные финансовые взаимоотношения между мужчинами и женщинами, со всеми их непостижимыми проявлениями, добавило ей определенной жизненной мудрости и не позволяло более их осуждать.

– Это так, – сказал он. – Но благодаря этому я получу как раз ту необходимую сумму, которой мне не хватает на обстановку и оснащение моего заведения. Жестокие удовольствия сейчас на самом пике моды.

– Матушка Молл в этом настоящий специалист, – резко бросила Лина, повторяя слух, который ходил среди девушек. – Слишком серьезная конкуренция для заведения, предлагавшего телесные наказания в качестве удовольствия.

– О нет. Не для джентльменов, которым требуется порка или бичевание. Это будет предназначено для тех, кто сам хотел бы осуществлять наказание.

– Но девушки...

– Будут выполнять все, что им приказано, иначе немедленно уберутся отсюда и попадут на самое дно.

Лина стиснула зубы, чтобы они не стучали, выдавая ее волнение. Одна из девушек, Кэтти, показывала ей шрамы, которые остались на ее теле после жестокой порки в другом борделе. Ее насильно удерживали там, пока ей не удалось наконец сбежать, выбравшись в окно и спустившись по водосточной трубе.

– Я уйду отсюда, – сказала Лина, стараясь, чтобы ее голос и слова звучали как можно увереннее и убедительнее. – Я вернусь к отцу.

– В дом священника? – уточнил он, удивив и даже напугав ее своей осведомленностью. – Да-да, я позаботился о том, чтобы выяснить о тебе все до мельчайших деталей, мисс Селина. Там уже не осталось ни одной из твоих сестер, ты знала об этом? А твой полоумный папаша вычеркнул все ваши имена из семейной Библии и утверждает, что у него вообще никогда не было дочерей, по крайней мере, так сообщают мои люди.

Белла уехала? Но куда? Покинув дом, Лина скоро поняла, что ее письма сестре безжалостно уничтожались, так же как, должно быть, и письма Мег, которые она присылала, сбежав из дома. Но ей всегда казалось, что Белла оставалась рядом с отцом в безопасности. Благоразумная Белла, которая всегда так терпеливо вела хозяйство в доме деспота отца... Да благословит ее Господь, где бы она ни была. И пусть она будет счастлива, так же как Мег со своим Джеймсом, молодым офицером, с которым она сбежала шесть лет назад.

Он ухмыльнулся и продолжил покровительственным тоном:

– Ты сделаешь все, что я тебе скажу, моя девочка, или твоя немощная тетушка потеряет этот дом, а ее драгоценные девушки будут вынуждены зарабатывать на жизнь как заурядные шлюхи, коими, по сути, они и являются.

– Когда? – прошептала Лина.

Вокруг вдруг послышался грохот дверей, словно их захлопывали одну за другой, но этот шум существовал лишь в ее голове. Если бы, покидая это место, она могла волноваться только о самой себе, пусть ей и некуда было бежать, она стерпела бы все. Она готова была даже вернуться в Суффолк и, стоя на коленях, вымаливать прощение у своего отца. Даже такая участь казалась ей теперь лучше, чем то, что готовил для нее этот негодяй. Но если она сбежит, пострадает и ее тетушка, и девушки, которым придется рассчитывать лишь на милость этого хитрого, расчетливого животного. Лине казалось, что выхода больше нет.

– Завтра. В семь часов вечера за тобой пришлют экипаж. И ты будешь мила и обходительна с сэром Хамфри, а иначе я точно знаю, кто первым испытает все прелести телесных пыток.

Лина медленно приблизилась к двери, опасаясь поворачиваться к Мейкпису спиной. Дверная ручка повернулась, и наконец Лина оказалась снаружи. Однако она была там не одна. Прямо перед дверью в комнату ее тетушки стоял крупный, судя по всему, недюжинной силы мужчина, человек, которого она никогда прежде не видела.

Лина повернулась и неверным шагом направилась к комнате, которую делили Кэтти и Мириам. Девушки лежали на кровати и весело смеялись, перебирая и разглядывая коллекцию украшений Мириам. Как только Лина вошла, они подняли на нее глаза, и их улыбки тотчас замерли, едва они увидели ее побледневшее лицо.

– Что случилось, Лина, дорогая? – Кэтти ловко соскочила с кровати, и ее кудри, выкрашенные в ярко-рыжий цвет, подпрыгнули, словно пружинки.

– Мистер Мейкпис продал меня сэру Хамфри Толхерсту. – Лина услышала свой голос как будто со стороны. Он звучал так ровно и безучастно, что она едва узнала его. – Скажите мне, что нужно делать, чтобы как можно скорее

покончить с этим? Пожалуйста, очень прошу вас, скажите!

Глава 1

Дрейкотт-Парк, северное побережье графства Норфолк, 24 апреля 1815 г.

– Он едет! – Джонни, молодой паренек, чистильщик обуви, спотыкаясь, вбежал в переднюю дверь. Рубашка его выбилась из брюк, а лицо покраснелось оттого, что он во весь опор бежал со своего места у бельведера на вершине холма Флагштафф. Он взбирался сюда каждый день с тех пор, как прибыло известие о том, что наследник недавно почившего лорда Дрейкотта направляется к ним из Лондона.

Лина оставила рукоделие и вышла в зал. Тримбл, дворецкий, то и дело, щелкая пальцами, отправлял лакеев, чтобы они как можно скорее созвали всю остальную прислугу.

Последние четыре дня, что прошли с похорон лорда Дрейкотта, Лина никак не могла прийти в себя. Когда она сбежала из дома сэра Хамфри Толхерста, объятая ужасом, в полном отчаянии и преследуемая законом, тетушка отправила ее к своему старому другу, который жил в сельской местности, в полном уединении. Тетя Клара верила, что племянница будет там в безопасности. Но вот теперь ее престарелого защитника и покровителя не стало.

Лина расправила подол черного платья и постаралась успокоиться. Настал конец ее жизни в безопасном убежище. После побега из Лондона за ее голову была назначена награда, и ее повсюду разыскивали за кражу, которой она не совершала. Наследник направлялся сюда, чтобы завладеть тем, что принадлежало ему, и, без сомнения, чтобы избавиться от бесполезных нахлебников в своем доме. И что же будет с ней теперь?

– Где экипажи? Сколько их? – требовательно спрашивал дворецкий.

– Экипажей нет вовсе, мистер Тримбл, сэр. Только двое наездников и одна вьючная лошадь, сэр. Я видел, как они вошли в ворота на Кромер-Роуд. Они продвигаются медленно, а их лошади выглядят усталыми, сэр. Они придут не так скоро.

Стоит поторопиться. Собрать вещи и бежать! Но куда?..

* * *

Тетушка Клара, с побелевшими губами, бледным, изнуренным от мучительной болезни лицом, с усилием приподнялась на подушках, когда Лина не выдержала и разрыдалась, рассказывая свою историю.

– Он не обижал тебя? – прошептала она, и обе женщины украдкой взглянули на дверь. Безжалостный наемник Мейкписа мог вернуться в любую минуту. – Клянусь, Мейкписа это чрезвычайно расстроит.

– Нет, Толхерст не тронул меня и пальцем. – Это было единственным облегчением во всем этом кошмаре. – Он заставил меня раздеться, а сам наблюдал за мной. Затем он снял одежду с себя. – Лина на мгновение замолчала, с отвращением вспоминая обвисшие складки на его теле, дряблую кожу, испещренную старческими пигментными пятнами, и эту ужасающую часть тела, ниже живота. – И стал приближаться ко мне... А затем он шумно вздохнул, точно стараясь набрать побольше воздуха, глаза его выкатились из орбит, лицо покраснело, и он рухнул на пол. Я позвала на помощь, торопливо оделась и...

– Он был мертв? Ты уверена?

– О да! – Лина не сумела заставить себя прикоснуться к нему, но могла сказать совершенно точно, что он был мертв. Она в ужасе смотрела на его остекленевшие глаза, пытаясь справиться с лентами и подвязками. – А затем все они вошли в комнату – камердинер, дворецкий и младший сын, Реджинальд Толхерст. Мистер Толхерст опустился перед отцом на колени и пытался нащупать пульс. Потом он послал камердинера за доктором и велел дворецкому запереть меня в библиотеке. Он сказал, что пропал перстень с сапфиром, принадлежавший его отцу.

– Сапфир Толхерста? Бог мой! – Тетушка не отрывала от нее глаз. – Неужели его не было на его руке, когда ты...

– Я не знаю! – Голос Лины задрожал, перешел на высокие ноты, и она едва успела остановить себя, пока он не превратился в крик. – Я не разглядывала его колец.

– Я слышала их разговор снаружи. Они говорили, что перстня не было ни в комнате, ни в сейфе, ни в шкатулке для драгоценностей. Дворецкий сказал, что перстень был на пальце сэра Хамфри, когда я приехала. Мистер Толхерст отправил лакея на Боу-стрит, в Главный магистрат. – Она была так взволнована, что говорила бессвязно и, казалось, не в состоянии остановиться. – Он сказал, что меня арестуют за кражу, что я, должно быть, выбросила перстень в окно своему сообщнику, который ждал там. Он сказал, что меня повесят как воровку и шлюху. – Она закрыла глаза и попыталась успокоиться. Ее тетушка больна, нужно было помнить об этом. Но ей было некуда больше пойти, никто на всем свете не помог бы ей, кроме нее. – Я выбралась в окно библиотеки и сбежала, – закончила рассказ Лина. – Я не знала, что еще сделать.

– Тебе нужно покинуть Лондон и не появляться здесь до тех пор, пока не будет выяснена вся правда, – решительно сказала тетя Клара. – Я отправлю тебя к Саймону Эшли, лорду Дрейкотту, в Норфолк. Он непременно примет тебя.

– Но если я пойду в магистрат с адвокатом, – сказала Лина, – быть может, тогда мне поверят? А если я сбегу...

– Ты живешь в борделе. Никто не поверит, что ты невинна, и, когда тебя поймут, никто даже не попытается выяснить правду, – сказала тетушка, и в голосе ее слышалась вся бесконечная горечь от многолетнего несправедливого общения с законом. – Знаменитый сапфир Толхерста стоит не одну тысячу. Ты читала о той служанке, которую повесили две недели назад за кражу серебряной ложки? Через несколько дней после казни ложку нашли там, где хозяйка ее и потеряла, – за спинкой дивана. Если не поверили даже этой девушке, с хорошей репутацией и мягким нравом, то тебе не поверят и подавно. Помоги мне подняться.

– Но, тетушка...

– Поторопись, Лина. – Тетя Клара откинула одеяло и нетвердым шагом направилась к письменному столу. – Надень простое дорожное платье. Собери все самое необходимое и поспеши!..

* * *

– Мы не можем терять ни минуты, – торопил Тримбл.

Лина на мгновение зажмурилась. Все это происходило в настоящем, и нужно было сосредоточиться не на прошлом, а на опасности, что угрожала ей сейчас. Прислуга выстроилась под строгим взглядом дворецкого. Миссис Бишоп, повариха, возглавляла ряд служанок, а лакеи и мальчик-слуга выстроились по другую сторону от Тримбла. Прислуги в доме было немного – всего десять человек, но эксцентричному барону девяноста лет, ведущему затворнический образ жизни, большего и не требовалось. А где же встать ей, несчастной белой вороне?

– Мисс Хаддон? – Тримбл жестом велел ей выйти вперед. Использовать вымышленное имя было неудобно, но произносить настоящее – небезопасно. Представителям закона было известно ее подлинное имя.

Тримбл выглядел весьма напряженным. Лина улыбнулась, пытаясь хоть как-то ободрить и его, и себя саму. Прошло несколько дней с тех пор, как ее покровитель, почитатель первосортного коньяка, лобстеров и сигар, во сне отошел в мир иной. Все это время служащие его дома обращались с ней как с временной главой имения – гостьей дома лорда Дрейкотта, которая нуждалась в крыше над головой в связи с болезнью тетушки. Теперь же она заняла свое место и ожидала нового хозяина с внутренним трепетом и напускным спокойствием. Во что бы то ни стало ей нужно было убедить этого человека позволить ей остаться в этом доме, не объясняя, для чего и почему она здесь.

Наконец на подъезде к дому послышался стук копыт. Лина увидела вороную вьючную лошадь, затем показался всадник на серой лошади. Длинный плащ землистого цвета, высокие сапоги из мягкой кожи без шпор, волосы цвета красного дерева блестели из-под широкополой шляпы. Он спешил, легким прыжком покинув седло. Лина отметила, как непринужденны и грациозны были движения этого человека. С парадного крыльца послышались мужские голоса. Дворецкий распахнул двери. Новый лорд Дрейкотт прибыл.

– Добро пожаловать в Дрейкотт-Парк, милорд!

Тримбл поклонился и отступил назад. Лина опустила глаза, пытаясь взять себя в руки: она знала, что ей необходимо преодолеть природную стеснительность и страх быть пойманной, пока молодой Дрейкотт не начал подозревать, что ей есть что скрывать.

Развевающиеся полы его дорожного плаща заполнили дверной проем, он остановился, широко расставив ноги, что придавало его позе определенную уверенность и даже властность. Он был высоким, статным мужчиной. Взгляд Лины скользнул по его подбородку, темному от трехдневной щетины. Когда он снял тяжелые кожаные перчатки и хлопнул ими по плащу, стало очевидно, что землистый цвет его лицу придавала дорожная пыль, которой он был покрыт.

– Ваша светлость. – Тримбл тихо откашлялся, взяв у него перчатки и шляпу. – От имени всей прислуги позвольте выразить свои соболезнования в связи с безвременной кончиной вашего двоюродного дяди. Меня зовут Тримбл, милорд.

– Я вас помню, – сказал лорд Дрейкотт и широко улыбнулся, обнажив белые зубы. – Приятно снова видеть вас, Тримбл. Много лет прошло, не правда ли?

– Вы правы, милорд. А это... – Он обернулся и продолжил: – Это мисс Хаддон, гостя их светлости, лорда Дрейкотта, да будет земля ему пухом.

Лина тотчас присела в реверансе:

– Ваша светлость.

– Мое почтение, мисс Хаддон. Я не знал, что в нашей семье есть кровь Хаддонов. – Его голос звучал низко и глубоко, но в то же время мягко. В речи чувствовалась легкая иностранная интонация, а также довольно откровенное любопытство.

– Нет, между нами не было родственных связей. Лорд Дрейкотт был старинным другом моей тетушки, с которой я жила в последнее время. Когда мне было некуда пойти, он проявил необыкновенную доброту и приютил меня у себя. Последние семь недель я служила здесь экономкой.

– Все понятно. Мне жаль, что я не успел на похороны. Я получил печальное известие лишь на третий день его кончины. Мы собрались и приехали сюда верхом.

– Вы скакали верхом от самого Лондона? – От города до поместья было больше ста сорока миль. Слишком свежи еще были в памяти Лины воспоминания о бесконечно долгом путешествии в дилижансе.

– Да. – Казалось, его удивил ее вопрос, словно это было обычным делом для аристократов – отправляться в длительные путешествия верхом, а не в экипаже. – Мои лошади полны сил и привычны к большим расстояниям.

Барон повернулся и проследил взглядом за конюхами, уводящими животных. Лина в этот момент позволила себе смелость бросить на него мимолетный взгляд. Высокий рост, длинные волосы, смуглая кожа и острая линия подбородка, которая свидетельствовала о его худобе. От него исходила какая-то необыкновенная, очень естественная энергия, которая наполняла дом духом безграничной, необузданной свободы. Лина испытывала необычное беспокойство и желание действовать, словно этот дух захватил и ее.

– Уверен, ваша светлость, вам хотелось бы осмотреть свои комнаты и отдохнуть с дороги. Ваш... камердинер? – Тримбл помог хозяину снять тяжелый, покрытый пылью плащ.

– Грегор русский, и он мой товарищ, который путешествует вместе со мной, – пояснил лорд Дрейкотт и обернулся. – Я полагаю, один из лакеев может позаботиться о моей одежде.

Разглядывая его пыльные сапоги, Лина пыталась вспомнить, что старый лорд рассказывал о своем наследнике. «Большой любитель путешествовать, каким когда-то был и я. Единственный в нашей семье, в ком есть хоть какой-то внутренний стержень, – ворчал когда-то старик, говоря о нем. – Единственный, кто способен мыслить незаурядно и у кого на все есть свое собственное мнение. Этот негодяй умеет быть возмутителем всеобщего спокойствия. Потрясающий тип! Он иногда пишет мне, но ему хватает совести не интересоваться шансами получить мое наследство».

Впрочем, это был уже совсем не парень. Это был мужчина. У нее внутри все сжалось, когда он двинулся с места, подошел ближе и встал прямо перед ней. Лина заставила себя на секунду посмотреть ему в лицо и удивилась, каким доверчивым, вероятно, мог быть этот человек. Зеленые глаза, довольно холодные и настороженные, особенно в сравнении с его теплой, открытой улыбкой. Ее страх постепенно уступал место лишь некоторой настороженности. Его взгляд, изучающий ее лицо, не был безразличным, он был испытующим, разумным и мужественным, так что она буквально через мгновение отвела глаза и постаралась сосредоточиться на мочке его уха, пока он не успел прочитать все ее чувства и мысли, которые были видны, словно в открытой книге. Нет, он отнюдь не легковверен.

– Надеюсь, покои, что мы подготовили для вас, окажутся приемлемыми. – Лина изо всех сил старалась вести себя как экономка. Эта роль показалась ей самой подходящей и к тому же безопасной. – Мы... Я, как могла, старалась навести чистоту. Однако у старого лорда Дрейкотта было весьма своеобразное представление об уюте.

Она очень старалась привести все в порядок после похорон, однако скоро оставила попытки превратить комнату в нечто похожее на традиционную спальню. Повсюду, на всех горизонтальных поверхностях, стояли стопки книг, свитки с картами, а также множество всевозможных склянок и баночек. Из папок и коробок высыпались разнообразные бумаги и документы, которые, как она полагала, лучше не трогать до приезда наследника и его стряпчего. Полки, столы и даже немалая часть пола были уставлены нераспечатанными коробками с древними артефактами и высохшими остатками материалов для химических экспериментов, которыми барон занимался в молодости.

Соседние покои, которые в былые времена занимала леди Дрейкотт, почившая сорок лет тому назад, сейчас была полна образцов работы таксидермиста, изъеденных молью, вычурных ваз с изображением сцен эротического характера и различных склянок с химикатами.

– Мое представление об уюте и удобстве также очень причудливо. Я могу спать и на досках, мисс Хаддон, и мне не раз приходилось это делать, – с иронией сказал он, подчеркнуто растягивая слова. – Не присоединитесь ли вы ко мне за ужином сегодня вечером?

– Я лишь экономка, ваша светлость. Сомневаюсь, что это позволительно...

– Вы ведь были гостьей моего дядюшки, не так ли, мисс Хаддон? А значит, теперь и моя. В таком случае это не просто позволительно, но даже вполне соответствует случаю. – Он определенно не привык, чтобы ему возражали.

– Благодарю вас, сэр.

«Теперь и моя». Действительно ли было в этой фразе что-то собственническое, или это лишь разыгралось ее воображение? Так или иначе, ей было нужно его расположение, одобрение ее присутствия в его доме, по крайней мере до тех пор, пока тетюшка Клара не известит ее о том, что она может вернуться. И все же совесть напоминала о себе. Он будет, сам того не зная, помогать человеку, укрывающемуся от закона. Старый барон знал всю правду о Лине, новый же хозяин имел полное право выгнать ее на улицу, а то и вызвать местных представителей магистрата, если обнаружится, кто она.

Квин с интересом изучал лицо юной женщины, которое она, отвернувшись, старалась спрятать. Почему и зачем его двоюродный дядя вдруг приютил эту маленькую монашку? Волосы стянуты в тугой узел, черное платье от шеи до лодыжек, грустные глаза... Старик Саймон никогда не был известен актами благотворительности, напротив, за ним давно и твердо закрепилась репутация нарушителя общественного спокойствия, и, даже когда ему было уже за семьдесят, он не обходил вниманием дорогие и весьма непристойные удовольствия. Была ли эта девушка его дочерью, плодом его сладострастного приключения, последнего перед бегством от привычной реальности и уединением в загородном поместье?

Нет, конечно же нет. Острый подбородок мог быть его чертой, но не голубые глаза и светлые волосы. Она не могла быть родной дочерью Саймона.

– С нетерпением жду ужина, мисс Хаддон, – сказал он.

Она ответила ему реверансом, не отрывая глаз от шейного платка.

– В котором часу вы бы хотели поужинать, ваша светлость?

– В семь часов, если это будет удобно, мисс Хаддон.

Вслушиваясь в шелест ее платья, он нахмурился. Последний год он провел на Востоке, в регионе, где шелк был основным товаром, предметом производства и потребления и где все в нем знали толк. Это был шелест дорогого высококачественного материала, и теперь, когда он вновь взглянул на ее однотонное черное платье, по переливам материи безошибочно определил блеск превосходного шелка. Скромное платье было изящно скроено и сшито из ткани, больше подходящей для бального платья, чем для проведения будней в загородном доме, тем более в качестве прислуги.

Квин обратил внимание и на ее гладко уложенные волосы цвета янтарного меда, и на длинные, пушистые ресницы, что то и дело вздрагивали, точно крылышки робкой птицы, скрывая ее удивительные голубые глаза. Она сделала еще шаг, и он ощутил смешанный аромат пряностей и цитрусов, едва уловимый, но вместе с тем яркий. Нет, она определенно не монашка, и к тому же не просто обыкновенная экономка. Она явно волновалась в его присутствии, возможно, даже боялась его. Он мог прочесть настороженность в ее глазах с такой же легкостью, как если бы это была молодая необъезженная кобылица. Все это было довольно загадочно, а оттого возбуждающе.

– Ваша светлость? – Тримбл ждал своего нового хозяина.

Квин тотчас развернулся и, широко шагая по отполированному мраморному полу, последовал к лестнице. На ступенях он остановился и обернулся. Мисс Хаддон шла по коридору, ее движения были легки и деликатны, как и благоухание ее духов; шелк соблазнительно облегал плавные линии ее бедер и тонкую талию. Это вынужденное возвращение в Англию обещало быть более увлекательным, чем он предполагал, решил Квин, стремительно поднимаясь по лестнице вслед за дворецким и вдохновенно перепрыгивая через ступени.

Глава 2

– Этот язычник, слуга нового хозяина, был здесь и что-то вынюхивал! – негодуя, воскликнула миссис Бишоп, повариха, когда Лина появилась на кухне в половине седьмого вечера, чтобы убедиться, что все готово.

– Я уверена, он не язычник, – попыталась успокоить ее Лина. – Грегор, как мне кажется, возможно, исповедует православие, но в любом случае он наверняка христианин.

Миссис Бишоп была вынуждена выполнять обязанности экономки целых полтора года с тех пор, как последнюю довольно грубо выгнал старый лорд Дрейкотт, а потому с радостью приняла Лину.

– У него такой сильный акцент, что я не могу разобрать ни слова из того, что он говорит, – пылко жаловалась повариха.

– Наверное, он просто хотел поужинать, – предположила Лина.

– А где Тримбл разместил его? Кстати говоря, я почти уверена, что он не слуга. Лорд Дрейкотт назвал его своим товарищем, с которым они вместе путешествовали.

– Мистер Тримбл выделил ему комнату в мансарде, но он покосился на нее с видимым недовольством.

– Это лучшее, на что он может рассчитывать в настоящее время, если не хочет поселиться в чулане, – сказала Лина. – По крайней мере, там чистота и порядок, чего нельзя сказать о гостевых комнатах и покоях хозяев этого дома. Вы принесли им горячей воды?

– Горячая вода! – Повариха вдруг густо покраснела и ударила ковшом по столешнице. – Они опустошили весь котел! Его светлость увидел в комнате лорда этот сарко... как он называется, и сказал, что из него выйдет отличная ванна. Он наполнил его горячей водой, вы можете себе представить? Они разделись донага и оба забрались туда, как рассказывал лакей, после того как омылись водой во дворе.

– Это уж слишком! – воскликнула Лина. Мысль о лорде Дрейкотте, обнаженном, под звенящими струями воды, показалась ей возмутительной, но чрезвычайно волнующей. Она была потрясена до глубины души.

– Все лакеи то и дело бегали вверх и вниз по лестнице с ведрами воды. Они велели Тримблу увести всех женщин, а затем, капая водой, побрели через весь дом к своему сарко...

– Саркофагу, – договорила за нее Лина. Его светлость, старый лорд Дрейкотт, хранил в своей спальне большой мраморный гроб. Было чрезвычайно удивительно, что барон не стал настаивать на том, чтобы его похоронили именно в нем. – И что же, они забрались в него вместе? – Сосуд, несомненно, был достаточно велик, чтобы в нем уместилось двое мужчин.

– Даже не знаю, как и рассказывать дальше! – таинственно сказала повариха. – Вы же не думаете, что он один из этих... ну, вы понимаете, из этих... женоподобных... ведь нет?

– Нет, – уверенно ответила Лина. – Кем бы ни был этот новый лорд Дрейкотт, я не думаю, что его привлекают мужчины. Он много времени провел на Востоке, вполне возможно, там принимают ванну несколько иначе. Я уверена, что очень скоро он обживется и превратится в традиционного члена английского высшего общества, – попыталась успокоить повариху Лина. Впрочем, бродить по дому нагим и мокрым... Нет, ни в коем случае, не стоило даже думать об этом.

Эти длинные, мускулистые ноги, эти широкие плечи... Да, к молодому лорду ее влекло не только любопытство. Подобных мужчин в ее жизни встречалось очень немного, что отчасти объясняло столь неожиданные ощущения.

Звон колокола, возвестившего об ужине, разнесся по всему дому и заставил взволнованное сердце Лины биться чаще. Она улыбнулась поварихе и заторопилась вверх по лестнице. Тримбл придержал дверь в столовую, чтобы она могла войти.

– Его светлость только что спустился, мисс Лина. – Он едва заметно приподнял брови, намереваясь, очевидно, таким образом придать особый смысл своим словам.

И уже через мгновение стало понятно, что именно он вкладывал в этот жест. Лорд Дрейкотт внимательно разглядывал портрет своего двоюродного дяди, висящий над камином. Казалось, двое мужчин наконец встретились лицом к лицу и оценивали друг друга. Впечатление от этой сцены было особенно ярким

оттого, что Саймон Эшли был запечатлен на этом полотне как раз в возрасте своего внучатого племянника.

Человек на портрете носил напудренный парик и широкополый камзол из роскошного синего шелка. Запястья обрамляли пышные манжеты, пальцы были унизаны дорогими перстнями. Весь облик его излучал мужественность, глаза, освещенные пытливым умом, казалось, заглядывали в душу. В последние недели Лина часто смотрела на портрет и каждый раз думала, каким был этот живой и полный энергии человек, пока старость не оставила от него ничего, кроме силы духа.

Теперь она словно воочию видела это, ибо сходство старого барона с его наследником было поразительным. Кроме того, молодой лорд Дрейкотт тоже в своем роде был щеголем. Длинные черные брюки были заправлены в голенища мягких темно-красных замшевых сапог, из-под длинного жилета темно-зеленого шелка была видна белоснежная батистовая рубашка с вышитым воротником и глубоким вырезом. Лина готова была поклясться, что не издала ни звука, подойдя к столовой, но едва оправилась от потрясения, как лорд Дрейкотт обернулся. Она на мгновение зажмурилась, напуганная неожиданным движением в затененной задней части столовой. Грегор тоже, обернувшись, взглянул на нее. Лицо его было совершенно бесстрастным. Он был одет точно так же, как барон, за исключением того, что все на нем, кроме белой рубашки, было темно-синего цвета, а волосы коротко острижены.

– Мисс Хаддон. – Лорд Дрейкотт сделал шаг вперед. – Надеюсь, вы простите мое экстравагантное одеяние; у меня при себе нет европейского костюма, подходящего к такому случаю, как сейчас.

– Конечно, милорд. – Кто стал бы возражать против торжественного ужина с героем сказки из «Тысячи и одной ночи» или поэмы о Чайльд Гарольде? Она чувствовала себя жалкой невзрачной птичкой рядом с великолепным павлином.

Он встал со своего кресла во главе стола и проводил ее к месту по правую руку от себя. Грегор встал позади лорда.

– Я объяснил Грегору, что было бы маловероятно, если бы вы решили отравить мою еду, а значит, нет нужды пробовать ее первому, – заметил лорд Дрейкотт, усаживаясь за стол.

– Прошу прощения, милорд, неужели в вашей жизни были подобные прецеденты?

– Их было достаточно, чтобы я стал осторожным и подозрительным, – ответил он и задумчиво посмотрел на нее. – Мисс Хаддон, вам действительно необходимо называть меня «милорд»? Каждый раз, когда вы произносите это, я на мгновение задумываюсь, к кому вы обращаетесь.

– Я уверена, вы скоро привыкнете к своему титулу, к тому же это обращение наиболее соответствует правилам приличия, милорд! – заявила Лина, рассматривая вышитый манжет рубашки, а потом и загорелую кисть лорда с массивным золотым перстнем на среднем пальце.

– Думаю, мы могли бы оставить эти скучные правилам приличия, – предложил он. – Меня зовут Джонатан Квин Эшли. Никто не называет меня Джонатан, но полагаю, вы сочтете, что обращение Квин не вполне соответствует правилам приличия. – Лина чувствовала, что он с иронией в очередной раз упомянул приличия. – Тогда зовите меня Эшли, это моя фамилия. А как же зовут вас?

– Селина, ми... Эшли. Впрочем, нет, я думаю, мое положение не позволяет мне так обращаться к вам.

– Какое положение? Вы же гостя. Разве я не прав, Тримбл? – Он чуть повысил голос, обращаясь к дворецкому, что стоял возле буфета, покровительственно наблюдая за происходящим.

– О, вы совершенно правы, милорд. Кроме того, я буду нем, как рыба.

– Вот это очень соответствует приличиям. Так, Селина, теперь нам предстоит избавиться от обычая раскланиваться и рассыпаться в витиеватых приветствиях, не так ли?

Она подняла глаза и взглянула на него. Нет, он отнюдь не флиртовал с нею; он обращался к ней в дружеской манере и, казалось, искренне, без заискиваний и непристойных намеков. Она, без сомнения, выглядела как безупречная экономка, а значит, была в полной безопасности от возможных ухаживаний с его стороны.

– Если вы так пожелаете, Эшли.

Он кивнул, удовлетворенный исходом беседы, и наконец принялся за суп. Лина воспользовалась тем, что он на какое-то время сосредоточился на еде, и украдкой рассматривала его строгий и волевой профиль. Она пришла к выводу, что он кажется человеком умным, а также чувствительным и восприимчивым. Как печально, что он, должно быть, был пятым сыном в семье, а значит, все его братья уже умерли, так как иначе они были бы первыми претендентами на наследство.

– У вас было много старших братьев и сестер? – с сочувствием поинтересовалась она.

Он тотчас понял, что она имела в виду.

– Нет, у меня не было ни братьев, ни сестер. Квин – это девичья фамилия моей матушки, а не производное от квинтет. – Неотступный взгляд зеленых глаз снова коснулся ее лица, и она тотчас потупила взор. Она почти физически ощутила, что он смотрит на нее именно как на женщину.

– А у вас есть братья или сестры?

– У меня две сестры – Маргарет и Арабелла, – неожиданно призналась Лина. – Однако Мег уехала из страны вместе со своим мужем, который находится на военной службе на Пиренейском полуострове, а где сейчас Белла, я и вовсе не знаю.

– Значит, вы остались совсем одна? А как же ваша тетушка? – Его, казалось, совсем не удивило то, что у нее не было семьи. Безусловно, ей стоило ожидать, что он станет расспрашивать о ее происхождении.

– Она тяжело заболела и больше не может обеспечивать мне кров и крышу над головой. – Лина ждала, что он спросит, чем она собирается заниматься, когда он наймет настоящую экономку. Она не имела ни малейшего представления, что ответить на этот вопрос, но, к ее удивлению, Эшли просто кивнул и снова вернулся к еде, которая исчезала с его тарелки с огромной скоростью.

– Еще рыбы, ваша светлость? – Лакей Майкл наклонился с серебряным подносом.

– Да, благодарю. Простите мой безудержный аппетит, Селина. Мы не останавливались от самого Лондона, только на кружечку эля.

Она не могла оторвать взгляд от невозмутимого человека, стоящего у барона за спиной.

– Что ж, можно попробовать предложить, – сказал Квин Эшли, словно читая ее мысли. – Грегор, поешьте!

Он пробормотал что-то в ответ на языке, непонятном Лине. Квин пожал плечами:

– Чертов упрямец. Сказал, что поест позже.

– Если экономка может обедать с вами за одним столом, то я не вижу причин, почему этого не может сделать ваш спутник, – сказала Лина. – Майкл, накройте, пожалуйста, для мистера Грегора.

– Ты слышал, Грегор? – Его, судя по всему, совсем не обидело то, что она отдавала приказания. – Леди хочет, чтобы ты отужинал вместе с нами. Неужели ты оскорбишь ее своим отказом?

Мужчина пробормотал что-то на своем языке, после чего Эшли громко рассмеялся и сел за столом напротив нее. «Леди», – повторила она про себя.

Майкл принес к столу отбивные котлеты из мяса молодого барашка. Теперь, когда к ужину присоединился еще один изрядно проголодавшийся мужчина, ей оставалось только надеяться, что еды хватит на всех.

– Завтра я должен послать за адвокатом моего дядюшки. Я полагаю, его последняя воля еще не была озвучена? – Эшли отодвинул полупустой бокал Лины и, взяв другой, наполнил его красным вином.

– Нет. Мистер Хаверс сказал, что сначала мы должны найти и дождаться вас. Похоже, он думал, что это займет определенное время.

– Дядя послал за мной, и я приехал, как только получил письмо. В нем была просьба первым делом обратиться к мистеру Хаверсу и попросить его прибыть в дом при первой же возможности. – Эшли снова занялся котлетами.

– Он послал за вами? Но ведь он умер во сне, и, несмотря на его возраст, это случилось весьма неожиданно. – Доктор напророчил, что он будет жить как минимум лет до ста.

– Год назад он написал мне, что я должен вернуться, чтобы разобраться с делами, как он выразился. Письмо шло ко мне целых десять месяцев, а затем, получив его, я отправился сюда. Старик все рассчитал верно, хоть раз в жизни. Я был бы рад встретиться с ним еще хоть раз, я был многим ему обязан, однако нам обоим не нравилось, когда я проводил здесь слишком много времени.

– Но здесь так красиво, – возразила Лина. Едва приехав сюда, она буквально влюбилась в необузданное седое море, что бурлило за холмом, поросшим лесом и укрывавшим этот дом от свободолюбивых ветров; в крутые тропинки, что вели через лес на противоположной стороне долины и живописный парк; в просторы небес, предела которым, казалось, не было вовсе.

– Красиво? Надеюсь, найдется немало людей, кто разделит ваше мнение, так как я намерен продать поместье как можно скорее.

– Продать? Но вы не можете... Ах, прошу прощения. – Она отвела глаза, как только Эшли поднял голову, чтобы взглянуть на нее. – Безусловно, это не мое дело.

– А вы, судя по всему, очень привязались к этому месту, – заметил он.

– Здесь чудесно, – равнодушно произнесла она.

– Вы думаете о том, что будет с вами, – сказал он ровным, сухим тоном. Он готов был предсказать реакцию, а потому сразу продолжил: – Мой дядя оставил достаточно провизии для прислуги и писал мне, что обсудил это с ними. Я убежден, что он позаботился и о вас, Селина.

Все, на что она была способна, – это улыбаться и кивать своему собеседнику. «Ну конечно же нет! Он даже не знал о моем существовании, когда писал вам, и даже если бы знал, я не имею к нему никакого отношения, ни родственного, ни какого-либо другого», – думала она.

– Я позабочусь о вас, Селина, – сказал Эшли, и его глубокий, невозмутимый голос придавал его обещанию невероятную весомость, почувствовав которую она с волнением взглянула на него, но тотчас отвела глаза: он пристально смотрел на нее.

Точно в дымке забытья, она решила, что должна во что бы то ни стало очаровать его. И почему эта мысль не пришла ей в голову раньше? Лина отпила еще вина. Оно было чрезвычайно вкусным и к тому же обладало приятным расслабляющим действием. И теперь все казалось гораздо понятнее и яснее.

Своей попыткой соблазнить барона она ступала на скользкий, опасный путь, в котором самое главное было вовремя остановиться, чтобы он почувствовал к ней возвышенные, благородные чувства, ответственность за ее судьбу, но не успел по-настоящему влюбиться. Где была эта граница, ей пока неизвестно.

Кэтти и Мириам были ближе всего Лине по возрасту, да и, пожалуй, являлись единственными ее подругами среди куртизанок в «Голубой двери». И вот однажды зимним вечером, когда за окном было уже темно и мела непроглядная метель, а оттого и дела шли плохо, они сидели все вместе и забавлялись, пытаясь обучить Лину флиртовать с мужчинами.

Девушки научили Лину, как использовать веер, взгляды и оттенки голоса, чтобы заманить мужчину в ловушку.

Никогда прежде у нее не было повода воспользоваться этим уроком, но теперь представилась возможность опробовать совет своих подруг. Мимолетный взгляд из-под томно опущенных ресниц должен был оказать чарующее действие. Она испробовала это.

– Благодарю вас. Я не сомневаюсь, что вы не оставите меня в беде.

Грегор издал странный глухой звук, должно быть подавив смех. Она тотчас вспыхнула румянцем и опустила взгляд, устремив его в свою тарелку.

– Можете на меня рассчитывать, – сказал Эшли, понизив голос, так что от его глубоких, бархатных ноток по телу Лины пробежала трепетная дрожь.

– Я оставлю вас, джентльмены, чтобы вы могли насладиться сыром и портвейном, – сказала она, поднимаясь из-за стола с учтивой улыбкой. Едва она встала, комната как будто слегка поплыла перед глазами. – Хорошего вам сна. – Она встретилась взглядом с Эшли, но пожалела об этом.

Атмосфера неожиданно стала душной, напряженной, пронизанной какими-то странными чувствами, непонятными даже ей самой. Все, чего ей сейчас хотелось, – это оказаться в своей уединенной и безопасной комнате, где она могла бы поразмышлять о том, хватит ли ее способностей для того, чтобы подчинить своей воле такого человека, как Квин Эшли.

Глава 3

– Что ты думаешь об этой монашке? – Квин уютно устроился в постели под тяжелым балдахинном и наблюдал, как Грегор проверяет двери, окна и портьеры, проводя свой обязательный ритуал по поиску возможного неприятеля или убийцы, а также любых путей к отступлению. – Прекрати, Грегор. Если начнется пожар, я выберусь через окно. Я не думаю, что в этом доме нам может угрожать что-то, кроме экспонатов из коллекции моего дядюшки. А когда мы доберемся до Лондона, то угрозой скорее станут пистолеты, чем нож неприятеля в непроглядную полночь.

– Монашка? – Грегор обернулся, оставив детальное обследование большого платяного шкафа. Он действительно говорил по-английски с сильным акцентом, но в его поведении сейчас не было ни высокомерия, ни нежелания оставаться здесь, ни каких-либо признаков подбострастия по отношению к собеседнику. – Она далеко не монашка.

– Нет? – Квин жестами изобразил ее строго убранные волосы, провел руками вдоль тела, словно повторяя контуры ее фигуры, затем взмахом руки подрисовал мантилью над головой. – Тогда кто же она? Я, черт возьми, не берусь сказать это.

– Она источник неприятностей, – сквозь зубы проговорил Грегор. Удовлетворенный своим тщательным обследованием комнаты, он наконец устроился в массивном резном кресле. – Она девственница. От них всегда сплошные неприятности.

– Ты полагаешь, она невинна? – Квин оперся на локти и, сделав усилие, приподнялся на кровати, сдвинув с места свое длинное тело, и с интересом посмотрел на собеседника.

– Она смотрит на вас так, словно не имеет представления, что с вами делать, однако с удовольствием и любопытством выяснила бы это, если бы ей представилась такая возможность, – подытожил русский.

Квин хмыкнул и с радостью снова упал на мягкие подушки.

– Как бы то ни было, я чертовски устал. Она всего лишь боится, что я выгоню ее из этого дома, вот и все. И к тому же не привыкла к таким, как мы, друг мой. Не стоило предлагать ей вино.

– Разве вы не хотите заполучить ее? А я бы, пожалуй, не отказался.

– Что ж, тогда предложи ей свою защиту и покровительство. – Квин закрыл глаза и про себя отметил, что уже очень поздно, а он слишком утомлен, чтобы спускаться вниз и изучать библиотеку. В конце концов, все те же книги и завтра будут на своих местах. Что же до женщин, эта блондинка, пожалуй, заинтриговала его, пробудив в нем настоящие мужские мысли и желания, однако и она завтра по-прежнему будет здесь. Женщины, как правило, не исчезали из его компании, и эта не должна была стать исключением.

А сейчас было самое время сполна насладиться тем, что ты чист, сытно накормлен и можешь с комфортом отдохнуть. Прошло примерно две недели с тех пор, как он в последний раз был с женщиной, но долгожданное удовольствие обычно еще слаще, так как позволяют насладиться еще и предвкушением. Подобно мести. И жажда этого здесь, в доме дядюшки, была еще сильнее.

Лондон смог бы обеспечить ему и то и другое.

– Она боится меня, хотя и отчаянно старается это скрыть, – заметил Грегор довольно громко, сводя на нет очередную попытку друга погрузиться в сон. – Ее глаза... я видел в них страх, когда она смотрела на меня. Я люблю, когда женщины послушны и угодливы.

– А меня она не боится?

– Она... – он пытался подобрать нужное слово, – стережет, нет... похожее слово?

– Остерегается?

– Да, – сказал он по-русски. – Остерегается вас. Она удивлена и даже озадачена, вы не такой, каким в ее представлении должен быть настоящий аристократ. К тому же вы, безусловно, привлекательнее меня, поэтому в основном она смотрит на вас.

Квин протянул руку, схватил подушку и резко бросил ее в Грегора.

– Отправляйся в постель, и хватит думать о женщинах, – сказал Квин. – Тебе отвели хорошую комнату?

– Комнату для прислуги, в мансарде. Но она вполне подойдет.

– Ты уверен? – Квин приоткрыл один глаз и оглядел побитый молью балдахин над головой. – Я могу позвонить в колокольчик и попросить, чтобы тебе предоставили роскошные апартаменты, вроде моих. Я думаю, им понадобится не больше пары часов, чтобы расчистить дорогу к кровати.

– Возможно, завтра. Сегодня мы причинили им уже достаточно беспокойства, – сказал Грегор, поднявшись, и от души потянулся. – Доброй ночи, ваша светлость. – Он закрыл за собой дверь, и в тот же миг в нее ударилась вторая подушка.

Буквально минуту Квин лежал спокойно, затем, проворчав что-то себе под нос, поднялся, снял с себя одежду, небрежно бросил ее на спинку стула, задул свечи подле кровати и буквально рухнул спиной на постель, даже не откинув покрывал.

Англия. Все та же Англия спустя десять лет, и вот теперь бесчестный, позорящий свой род мистер Эшли – четвертый барон Дрейкотт Клейборнский, новый барон графства Норфолк. Ему достался титул, которого он не хотел; поместье, до которого ему не было никакого дела; и, без сомнения, длинный список долгов, которые, по большому счету, никак не повлияли бы на его состояние. Но все бесконечные опасности и неудобства, что были его бессменными спутниками в течение двух месяцев путешествий, нищета и бедственное положение во время пересечения Ла-Манша, где их застал беспощадный шторм, хаос, царивший в Лондоне, его зловоние и нечистоты – все это стоило того, чтобы принять этот дом как бесценное сокровище. К тому же был во всем этом и еще один дополнительный интерес, которым он воспользовался бы, обустроившись в Лондоне.

Месть. Квин с наслаждением думал об этом. Ложь, высокомерие и трусость – три качества, которые он не допускал и не терпел в людях, три греха, которые был твердо намерен наказать. Это не касалось напрямую его самого, ему были несвойственны эти черты. Однако Саймон переживал о том, чтобы защитить своего внучатого племянника, и он планировал воздать ему за это должное.

Он ждал этого возмездия десять лет, и теперь его мечты могли подождать. Натянув на себя покрывало и постепенно отдаваясь сну, он вспомнил еще кое-что, что он, кажется, унаследовал, кроме титула, имения и счетов. Эта маленькая осторожная скромница была крайне интригующей загадкой, потому что, кем бы она ни являлась, она определенно не была экономкой, он готов был поставить на это свои дуэльные пистолеты Мэнтонна. Впрочем, они ему, пожалуй, еще понадобятся.

* * *

При свете дня, когда рассудок взял верх над эмоциями, что управляли ею вчера, Лина уже сожалела о том, что согласилась обращаться к лорду по имени, а также была обеспокоена тем, как были восприняты ее неумелые попытки флирта. Да и два бокала хмельного вина были неосмотрительной крайностью с ее стороны. К завтраку Лина не вышла, но сразу после она почти столкнулась с мужчинами на выходе из столовой.

– Доброе утро, ми... Эшли. Послание мистеру Хаверсу отправлено. Я полагаю, его прибытия можно ожидать около десяти часов.

– Так скоро? А что, если в его расписании уже были какие-то дела на сегодня?

– Если у него и были назначены какие-то встречи, то он отменит их. Ваше дело сейчас имеет для него и всех нас первостепенную важность, – ответила Лина. – Мистер Армстронг, представитель местного отделения Лондонского банка вашего дядюшки, доктор Мэссингберд, его личный врач, и преподобный Перрин придут вскоре за ним. Первые визиты ожидаются уже завтра. – Эшли покачал головой, и Лина тотчас добавила, поправляя белый фартук экономки: – Повариха уже готовит печенье и мелет кофе.

– Я не азартный человек, – начал Эшли, – но готов поставить гинею против вашего нелепого фартука, что мне не нанесут ни одного частного визита.

– Но почему же?

– Потому, моя дорогая мисс Хаддон, что меня, как правило, не принимают в уважаемом обществе. Так что, уверяю вас, нам с вами достанется много печенья, – заметил он с долей иронии.

– Интересно, что вы такого сделали, что они стали избегать вас?

– Соблазнил старшую дочь графа Шерингема и беременной оставил ее, – прямо сказал Эшли. – Граф – крупный землевладелец, фигура важная в наших местах. Его сын, виконт Лэнгдаун, лишь служит исполнителем его распоряжений.

Лина смотрела на него открыв рот, а он улыбнулся, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Она смотрела, не отрывая глаз от двери, словно ожидая, что Эшли снова появится и скажет ей, что все это просто плохая шутка, но он не возвращался. Вдруг у нее за спиной послышался тихий кашель.

– Тримбл? – Лина повернулась к дворецкому. – Наверняка его светлость... наверняка это не может быть правдой, ведь так?

Дворецкий выглядел настороженным.

– Возможно, мне лучше было бы рассказать вам об этом, мисс Хаддон. – Он приоткрыл дверь в гостиную, пропуская ее вперед. – Здесь нас не потревожат.

Она вошла вслед за ним и закрыла дверь.

– Он сказал, что совершил что-то ужасное...

– Да, действительно, отказаться жениться на беременной невесте – поступок, не достойный джентльмена, – сказал он тихим, безразличным голосом.

Лина опустила в кресло и в ужасе посмотрела на дворецкого, отказываясь верить, что Квин Эшли бессердечный соблазнитель, негодяй и распутник.

– Те, кто работает здесь давно, знают эту историю, – продолжил дворецкий, присаживаясь на край стула. – Его светлость, покойный барон, рассказал нам, как все было. Насколько я помню, мистер Эшли бросил свою беременную невесту десять лет назад. Учитывая, что ее брат публично угрожал мистеру Эшли, что высечет его, а затем кастрирует, его дядюшка счел, что разумнее всего в этой ситуации будет отправить непредусмотрительного племянника за границу, и чем скорее, тем лучше. Послушавшись дядюшку, он, судя по всему, вскоре решил, что жизнь путешественника ему по душе, и возвращался в родные места крайне редко.

Лина горько вздохнула, сожалея, что у нее нет брата, умело владеющего плетью, который мог бы встать на ее защиту.

– Впрочем, он не был отцом ее ребенка, – поспешил добавить Тримбл, – уверяю вас, мисс Хаддон, я не позволил бы вам остаться в этом доме, если бы это было так.

– Отчего же тогда она не вышла замуж за мужчину, ответственного за...

– Мистер Эшли в то время был очаровательным, но вместе с тем еще совсем неопытным юношей, – продолжал Тримбл, избежав прямого ответа на вопрос. – Прилежный, уравновешенный молодой человек, заинтересованный наукой. На

уме у него были лишь книги. А потому непонятно было, почему столь красивая девушка, не знающая отбоя от кавалеров, вдруг ухватилась за ничем не примечательного наследника скромных владений барона.

- Потому что ей было необходимо как можно скорее найти доверчивого мужа?

- Совершенно точно, мисс Хаддон. Родители девицы, узнав о ее положении, велели ей незамедлительно соблазнить его, а мистер Эшли легкомысленно влюбился и позволил ей заманить себя в капкан. Изъян их плана состоял в том, что они выбрали чересчур романтического и идеалистичного молодого человека, который сумел противостоять своей страстной невесте. Как после он рассказывал своему дяде, когда она решила доказать ему свою безграничную любовь, пожертвовав своей невинностью, он проявил благородство и отказался обесчестить свою нареченную невесту.

- И тогда он понял, что происходит?

- Нет, как говорил он сам, пока она не сбросила с себя одежду и не устроила скандал. Ее отец, когда любые отговорки и оправдания были бесполезны, предложил мистеру Эшли солидное приданое, чтобы он женился на его дочери. Он отказался, разорвал помолвку, а они, в свою очередь, приписали ему отцовство и объявили бессердечным совратителем невинной девушки.

- Неужели упомянуть настоящего отца было совсем невозможно?

- Они даже не смогли узнать, который из конюхов графа был отцом ребенка!

- Бедная девочка, - едва слышно проговорила Лина. - И чем же это кончилось?

- Представления не имею. Полагаю, ее выдали замуж за какого-нибудь ирландского лорда, который чрезвычайно нуждался в деньгах, пообещав ему огромное приданое.

- Но мистер Эшли взял вину на себя и не выдал позор этой девушки и этим разрушил свою репутацию...

– Вы правы. Он бросил вызов лорду Лэнгдауну, который отказался встретиться с ним, а вместо этого снова угрожал плетью. Его светлость пытался вмешаться, но был втянут в скандал, и таким образом, они очернили и его имя. Теперь вы понимаете, мисс Хаддон, почему мы не ждем визитеров?

– Но ведь они наверняка успели обо всем позабыть, разве не так? – Ей отчаянно не хотелось думать, что Эшли будет изгнан по несправедливому обвинению, что было выдвинуто против него целых десять лет назад, когда его единственным грехом было то, что он отказался принести себя в благородную жертву.

– Они могли бы обо всем забыть, если бы не тот факт, что, оказавшись за границей, мистер Эшли начал стремительно уничтожать в себе остатки той невинности, что еще были в нем, а вместе с ними и то, что осталось от его репутации, – сказал Тримбл абсолютно безучастным голосом. – Одни только научные журналы были рады печатать его статьи, что он присылал из самых разных экзотических частей света, но его светлость, как правило, предпочитал со злорадством читать мне истории из скандальных изданий. И скажу я вам, далеко не все исследования мистера Эшли носили глубоко научный характер.

– Истории какого рода? – спросила Лина. Ею двигало то же безумное любопытство, которое не позволило не заметить шум подъезжавшего экипажа.

– Я едва ли решился бы пересказывать их незамужней девушке, – сказал дворецкий. – Думаю, достаточно будет сказать, что на их фоне подвиги лорда Байрона кажутся невинными шалостями. Но я абсолютно уверен, что в собственном доме, где незамужняя леди находится под его защитой, нам нечего бояться, и нет причин сомневаться в благородном поведении его светлости, – торжественно произнес Тримбл.

«По крайней мере, мне не нужно опасаться за свою репутацию, находясь под его защитой, так как весь мир и без того уверен в том, что я распутная девка и воровка драгоценностей», – с горечью подумала Лина.

Вдруг прозвенел дверной колокольчик.

– Должно быть, это мистер Хаверс, – сказал дворецкий и вышел из комнаты.

Лина сжала кулачки, ей совсем не хотелось встречаться со стряпчим, человеком, который наверняка ежедневно получает свежие лондонские газеты. А описание беглой Селины Шелли было в каждой из них, в этом она не сомневалась.

На пороге снова появился Тримбл:

– Его светлость попросил всю прислугу немедленно собраться в столовой, чтобы присутствовать при прочтении последней воли его дядюшки, мисс Хаддон.

– Но он ведь говорил не обо мне. – Лина не сдвинулась с места. – Я никоим образом не могу быть заинтересована в этом документе. Это совершенно меня не касается.

– Он велел быть всем, мисс Хаддон.

– Что ж, хорошо. – Быть может, ей удастся проскользнуть последней и сесть позади Питера, самого крупного из лакеев.

Лина устроилась так, чтобы видеть лорда Дрейкотта и Грегора, который безучастно стоял за его спиной. Барон постукивал пальцами по краю стола и смотрел на портрет своего дядюшки, что висел прямо напротив.

– Что ж, если все собрались, – оживленно произнес незнакомый мужской голос, прервав ее фантазии, – я зачитаю завещание Саймона Августа Тримейна Эшли, третьего барона Дрейкотта. «Генри Тримблу, в знак признательности за многие годы верной и безупречной службы, передается в пожизненное владение Коверт-коттедж, назначается ежегодная пенсия в семьдесят фунтов, а также предоставляются любые предметы моего гардероба, которые он пожелает взять для себя, дрова для отопления жилья и запасы провизии из поместья, услуги садовника для его собственных нужд, а также чучело медведя, которым он всегда восхищался».

Лина видела, как затылок и шея Тримбла побагровели то ли от избытка чувств, то ли при мысли об огромном чучеле медведя.

– «Мэри Элизе Бишоп, в знак признательности за ее...»

И это повторялось снова и снова и продолжалось, казалось, бесконечно. Наследство досталось каждому, вплоть до лакея самого низшего чина, и было оно одновременно щедрым и своеобразным, под стать его эксцентричному распорядителю. Предусматривалось и денежное пожертвование в пользу церкви, «дабы стало возможным заменить теноровый колокол, что дал трещину и в течение долгих лет превращал каждое мое воскресное утро в невообразимый кошмар». Сотня фунтов вдовам рыбаков, потерявших своих мужей у этих безжалостных берегов. Часть книг он передавал своим коллегам-ученым и, наконец, «вся моя оставшаяся собственность и само имение, нигде более не упомянутое в данном документе, переходит моему внучатому племяннику и наследнику Джонатану Квину Эшли».

– Имеется, однако, и добавление, внесенное пятью неделями позднее. – Стряпчий прочистил горло. – «Юной леди, проживающей в данный момент в моем доме в качестве гостыи, переходит резиденция Дрейкотт-Парк, вместе со всеми расходами, на период в шесть месяцев со дня моей смерти, и с этой же даты ей назначается выплата суммы в тысячу фунтов, в память доброй дружбы и теплой привязанности, что я питал к ее тетушке.

Дальнейшим я сообщаю, что мой внучатый племянник, Джонатан Квин Эшли, унаследует мои книги, карты, рукописи и бумаги, а также документы, только в том случае, если будет сохранять поместье Дрейкотт-Холл в своем владении в течение срока не менее шести месяцев либо до тех пор, пока не закончит публикацию моих мемуаров, издание которых так и осталось незавершенным, что, впрочем, займет больше времени. Если же это условие не будет выполнено, то все бумаги, книги и прочее перейдут в безраздельное пользование Эшмолловской библиотеки в Оксфорде». Этим заканчивается завещание. – Мистер Хаверс сложил документ, и в полной, почти осязаемой тишине, раздался шелест плотной бумаги.

Глава 4

Лина потрясенно смотрела на загадочно улыбающийся портрет. Кров и деньги, о которых она не могла и мечтать, которых хватило бы на то, чтобы начать совершенно новую, самостоятельную жизнь, какой бы дорогой она ни решила пойти. Это был последний щедрый подарок старика, чье живое воображение и

чувство искреннего сострадания позволили протянуть руку помощи совершенно незнакомому человеку, а безграничное великодушие – достойно почтить память старой дружбы и любви.

– Спасибо, – прошептала она.

– Могут ли быть нарушены условия завещания? – На этот раз в голосе Квина Эшли не было ни нотки иронии или веселости. – Я не намерен владеть этим домом и имением ни днем дольше, чем мне понадобится, чтобы собрать все книги и бумаги и выставить имение на продажу.

– Нет, ваша светлость, условия нарушены быть не могут, – сказал стряпчий с непоколебимой твердостью. – Кроме того, я должен подчеркнуть, что юная леди имеет право оставаться в этом доме еще шесть месяцев, а значит, вы не сможете выставлять имение на торги, пока она не найдет другого места жительства.

– Теперь, если позволите, я попрошу воспользоваться одной из комнат, чтобы наедине поговорить с каждым, кто получил хоть какую-то часть наследства его светлости.

– Можете использовать кабинет, – сказал Эшли.

Несмотря на значительное расстояние, что разделяло их, Лина отчетливо видела, что лицо лорда оставалось бесстрастным, однако смирить гнев, которым пылали его глаза, ему не удалось. Он поймал ее испытующий взгляд, и она почувствовала, будто только что повернулся ключ в замке, заперев в клетке разъяренного тигра. Она с силой вжалась в спинку стула в невольной попытке отступить, и поперечные планки буквально впились ей в спину.

– О чем, черт возьми, думал этот старый дьявол? – возмущенно воскликнул Квин, как только дверь за ними захлопнулась.

– Он хотел быть уверен, что его мемуары будут опубликованы, ваша светлость, – спокойно ответил мистер Хаверс. – Я убежден, ваш дядюшка полагал, что по прошествии лет на них смогут взглянуть иначе, особенно если бы вы имели возможность дополнить их своей, без сомнения, увлекательной историей путешествий и своими записями.

– А что за вздор насчет этой девушки? Неужели она приходится ему родной дочерью? Она совершенно на него не похожа.

– Я полагаю, это не так. Уверен, это был его искренний благородный жест в память его привязанности к ее тетушке. Кстати говоря, как зовут эту юную особу? Лорд Дрейкотт отказался мне назвать ее имя, чем, надо признаться, немало удивил меня.

– Ее фамилия Хаддон.

Хаверс сделал запись в своих бумагах.

– Мне жаль, ваша светлость. Но боюсь, вы вынуждены будете обременить себя этим имением и к тому же самой мисс Хаддон на срок не меньше шести месяцев, в противном случае вы лишитесь библиотеки.

Квин положил ладони на письменный стол и, опустив голову, смотрел вниз на потертую поверхность стола, обитую красной сафьяновой кожей. Он был намерен распродать имение, перевезти в свой дом в городе все, что хотел сохранить, и, окончательно переехав, обустроиться в Лондоне. Это необычное сочетание весьма успешного продвижения его дел и перспектива осуществления такой долгожданной мести всему уважаемому обществу рождало в нем чувство сладостного предвкушения.

У него были достойные причины, чтобы перенести центр своей деятельности из Константинополя в Лондон, а также весомые основания заняться торговлей и наукой. Теперь же он был вынужден отдавать свое внимание и своим восточным владениям на побережье, и мемуарам своего дядюшки, и своей истинной цели, что ждала его в Лондоне.

Это приводило его в бешенство, однако он держал себя в руках. Стратегия действий дядюшки Саймона была, как всегда, продумана до мелочей. Не было никакого смысла изнурять себя тщетными попытками обойти его волю; ему оставалось только смириться с тем, что он застрял в Дрейкотт-Парк до самой осени. Кроме того, теперь его связывала еще и ответственность за эту нервическую и кокетливую юную девицу, которая своим поведением приводила его в некоторое замешательство. Наконец он решил оставить ее здесь на эти

полгода, чтобы она следила за порядком.

– Что ж, я оставляю тебе его, – произнес Квин, как только ему удалось смирить свой гнев. – Вы можете воспользоваться письменным столом, мистер Хаверс. С кем бы вы хотели поговорить первым?

– Думаю, мисс Хаддон. Благодарю, ваша светлость.

Селина сидела на одном из твердых, необитых стульев в пустом зале, спина ее была строго выпрямлена, руки лежали на коленях. Нелепый фартук исчез, густые светлые волосы были убраны в частую черную сеточку. Сейчас она походила на обитательницу монастыря еще больше, чем прежде.

Едва увидев его, она тотчас поднялась со стула.

– Хаверс хочет поговорить с вами первой, Селина.

– Я прошу прощения, ваша светлость, за то, что вы не можете осуществить свои первоначальные намерения, за груз моего присутствия здесь и за то, что размер вашего наследства оказался меньше оттого, что часть его перешла и мне.

Все это звучало как хорошо подготовленная речь.

– Деньги не составляют никакой проблемы, Селина. Это было решением моего дяди и его правом поступать так, как ему угодно, а ваше присутствие в имении ни в коей мере не тягостно мне. Если и кажется, что я несколько недоволен последними распоряжениями своего дядюшки, то исключительно потому, что из-за них были расстроены мои планы.

– Благодарю вас. Очень благородно с вашей стороны ободрить меня, – сказала она, но голос ее звучал безучастно. – Вы будете чувствовать себя здесь неловко, если ваши соседи так и не нанесут вам визита. – Она залилась румянцем, а глаза ее, как и прежде, были опущены. – Тримбл поведал мне эту скандальную историю. Это возмутительно и просто невероятно, что с молодым человеком могли так обойтись!

– То есть вы считаете меня невиновной стороной? – Квин почувствовал раздражение, обнаружив, что ее ответ имеет для него значение.

– Безусловно. Тримбл не стал бы лгать, если речь идет о подобных вещах. Было так великодушно с вашей стороны не раскрыть тайну отцовства ее ребенка.

Эшли пожал плечами.

– Я был юным, не в меру романтичным идиотом, – сказал Квин, заметив ее взгляд из-под опущенных век. – Не стоит обманывать себя, Селина, полагая, что я святой. Вся эта напыщенная позиция высокой морали имела место лишь до того славного момента, когда вдали от двойных стандартов нашей страны я наконец познал все радости плотских удовольствий.

– Зачем вы говорите мне об этом? – резко спросила она.

– Не сомневаюсь, вы услышите еще немало цветистых рассказов от наших уважаемых соседей. Я думал, будет лучше, если я смогу предупредить и предостеречь вас.

– Понятно, – сказала Селина. – Я верю вам, Эшли.

Это признание было для него своего рода ударом. Он отнюдь не был намерен завоевывать доверие этой девушки, он хотел ее заинтриговать, вызвать интерес, однако, если она действительно доверилась ему, тогда стоило отнестись к этому с уважением. И возможно, он был готов на это – в конце концов, она находилась под крышей его дома, под его защитой. И раз она так легко ему поверила, то, быть может, и правда была непорочной девственницей.

– Я вовсе не говорил, что вы должны доверять мне, – сказал он, стараясь расстроить ее, отомстив таким образом за то, что она нарушила его спокойствие. Лина подняла голову, и взгляд ее голубых глаз устремился, казалось, в глубины души. – Я просто хотел поставить все точки над «i» и положить конец разговорам об этой части моей биографии.

– Конечно. – Ее испытующий взгляд наконец скользнул вниз. – Так происходит всегда, обо всем должна позаботиться сама женщина, а если вдруг ее настигли

несчастье и позор, то виновата в этом только она сама, поскольку не была достаточно бдительна в вопросах собственной чести. Прошу прощения, ваша светлость. Мистер Хаверс, должно быть, уже ждет.

Она развернулась и пошла прочь, и в этот момент шелковый подол ее платья, взметнувшись, коснулся его ног. Квин тотчас стиснул зубы, захваченный врасплох неожиданным приступом желания. Он распахнул дверь, размашистым шагом устремился в конюшни и теперь, когда против воли думал о ней, был зол на себя еще больше, чем когда просто говорил с нею.

«Как это глупо». Ругая себя, Лина постучала в дверь и вошла внутрь. Эшли привлекал, притягивал, он завораживал ее, и это было смертельно опасно. Одно лишь легкое прикосновение его губ к руке – и голова пошла кругом, смущение овладело ею, и перехватило дыхание. Это оказалось еще хуже, чем вино.

– Мисс Хаддон. – Стряпчий, встречая ее, поднялся со стула. – Пожалуйста, присаживайтесь. Уверен, это не займет много времени.

Лина опустилась на предложенный ей стул и сложила руки на коленях, изо всех сил стараясь выглядеть кроткой, скромной юной девушкой, а не беглой куртизанкой.

– Что ж, позвольте узнать ваше имя.

– Лина, – сказала она и внимательно смотрела, как он аккуратно выводит в своих бумагах «Лина Хаддон».

– В какой банк вы бы хотели, чтобы вам были переведены деньги, мисс Хаддон?

– Но у меня нет банковского счета. – Она не знала, будет ли противозаконно открыть счет на вымышленное имя. Возможно, ей понадобятся документы, подтверждающие, кто она на самом деле. Впрочем, за шесть месяцев ее настоящее имя наверняка будет раскрыто. А ее и вовсе повесят.

Лина старалась сдержать нервную дрожь, которая неумолимо овладевала ее телом.

– Я должна что-нибудь придумать. А могла бы я получить какую-то часть наличными? – Суммы, которую она запросит, должно быть достаточно для того, чтобы организовать побег отсюда, и как можно дальше, но все же ее размер не должен вызвать никаких подозрений у мистера Хаверса. – Двадцать пять фунтов, к примеру, было бы довольно.

– Боюсь, что деньги будут доступны вам только по истечении шести месяцев, мисс Хаддон. – Потом он добавил: – Но все ваши повседневные расходы будут оплачены, включая покупку необходимой одежды, а также деньги на мелкие расходы.

«О нет», – подумала Лина, ведь она не сможет выбраться отсюда и найти себе новое убежище, если у нее не будет денег. Если бы у нее была тысяча фунтов, она смогла бы нанять следователя, агента, который связался бы с ее тетушкой, адвоката, а также при необходимости бежать за границу. Но теперь, без средств, она будет вынуждена остаться здесь, иначе тетушка не сможет узнать, где ее найти. Кроме того, она должна помочь тетушке Кларе одолеть Мейкписа, она не может просто сбежать, оставив ее одну без поддержки.

– Да, да, конечно, должно быть, я просто неправильно поняла. – Ей придется остаться здесь, под защитой человека, который может оказаться отнюдь не благородным покровителем, а, напротив, весьма опасным типом. – Спасибо, мистер Хаверс.

– Вам спасибо, мисс Хаддон. Не будете ли вы так любезны, не пригласите ли ко мне Тримбла?

Лина передала то, что просил Хаверс, и, поддавшись порыву, взбежала вверх по лестнице, надела плащ и известила Майкла:

– Если кто-нибудь будет меня спрашивать, то я ушла прогуляться до холма Флагштафф.

– Его светлость велел подготовить гостевую спальню для Грегора, – сказал лакей. – Должен признаться, мисс Хаддон, я в некотором замешательстве.

– Этот человек не прочь подурочиться... Что ж, подготовьте для него красную спальню, – велела Лина.

– Но ведь это...

– Да, та самая комната, где мы храним наиболее ужасные образцы искусства таксидермии, включая чучело крокодила. Именно так. Пришло время продемонстрировать мистеру Грегору, что он не единственный в этом доме, кто обладает чувством юмора.

Она все еще улыбалась, когда выходила через арку на конный двор и оглянулась на звук голосов. Грегор гладил морду серой лошади, а Квин Эшли осматривал ее копыта. Лина ничего не понимала в лошадях, но, когда она видела перед собой что-то по-настоящему прекрасное, она чувствовала это. И это животное, с его вытянутой мордой, большими темными глазами, длинным белым хвостом и гривой и строгой, волевой осанкой, было по-настоящему великолепным.

Эшли и Грегор, должно быть, осматривали лошадь после долгого путешествия, как предположила Лина, увидев в задней части двора уже вычищенного и столь же статного вороного коня и крепкую гнедую лошадь. Она облокотилась на арку и наблюдала. Мужчины легко и непосредственно разговаривали между собой, время от времени отпуская замечания, зачастую даже не доводя до конца предложений и все равно понимая друг друга. Лина вспомнила, как точно так же, весело и непринужденно, общались и они с сестрами, Беллой и Мег. Они были так близки, что одного-двух слов, невзначай брошенной фразы или улыбки было достаточно, чтобы разделить сокровенные мысли и чувства друг друга.

«Где же ты? – вопрошала она, обращая в никуда свою безмолвную мольбу, ответа на которую получить ей было не суждено. – Надеюсь, у вас все хорошо, вы в безопасности и счастливы». Выбегая из-под сводчатого прохода, она клялась себе, что если когда-нибудь ей удастся выбраться из этой переделки, то она потратит свою часть наследства на то, чтобы отыскать своих сестер и поскорее покинуть общество этих мужчин и убежать подальше от их ветреной, беспечной дружбы.

Она шла все быстрее, затем побежала и остановилась, только чтобы открыть чугунные ворота в парк, потом, замедлив шаг, пошла по густо заросшей тропе, что вела вверх по горной гряде, отделявшей парк от моря и укрывавшей его поросшие лесом склоны от бесконечных холодных ветров.

Лина взбиралась вверх, почти не замечая ни встревоженных криков галок и ворон, ни промелькнувшей сойки, что пролетела ей наперерез, блеснув ярким оперением. Если она так и не сумеет дождаться, когда с нее снимут обвинения в подлом воровстве, то что же ей делать тогда? Тетушка Клара была к ней так добра, так великодушна, что теперь казалась предательством даже мысль о том, чтобы оставить «Голубую дверь», но в то же время она едва ли сможет провести остаток жизни в стенах борделя.

Быть может, тетя Клара мечтала, что однажды она передаст Лине свои полномочия и та возьмет в свои руки управление ее заведением. Лина не смогла сдержать улыбку при мысли о девственнице в роли хозяйки подобного заведения. Нужно было признать, что, как бы Лина ни любила свою тетушку, как ни дружна была с девушками, работавшими у нее, она и представить себе не могла подобной жизни, ведь, даже став временным пристанищем, это место могло уничтожить ее репутацию.

Тяжело дыша, она наконец достигла вершины холма. Прямо перед ней, опираясь на прочные деревянные колонны, стоял величественный бельведер, когда-то построенный лишь для того, чтобы добавить к территории поместья еще двести футов, а также обозначить живописное место, откуда открывался обзор для тех, кому хватило сил взойти так высоко. Одной рукой Лина подобрала юбки, чтобы не мешали движению, а другой крепко взялась за шаткие перила и стала подниматься по ступеням.

Дойдя до вершины, она облокотилась о поручни и обратила свой взор в сторону моря. Дул сильный свежий ветер. Он овеивал лицо и приносил с собой солоноватый запах океана, и Лина стянула с головы тугую повязку, освободила волосы от шпилек и распустила, их тотчас взметнуло дуновение бриза.

Нет, она не могла ни оставаться в борделе вечно, ни бежать прочь в одиночестве, для этого у нее было слишком мало жизненного опыта. И ей совсем не хотелось приобретать подобный опыт, тем более после того кошмара, что она пережила с сэром Хамфри Толхерстом. Лине становилось страшно и дурно при мысли, что мужчина прикасается к ней и делает то, что ему хочется, а ей приходится изображать удовольствие и притворяться, будто ей приятно, скрывая нежелание и отвращение.

Но теперь, если ей удастся выбраться из своего тайного укрытия, у нее будут средства на то, чтобы найти для себя маленький домик на то время, пока она

будет искать своих сестер.

– Забавно, я искал маленькую скромную монашку, а когда наконец нашел, она сорвала с себя монашеский платок.

Лина обернулась и увидела Квина Эшли, который поднимался на верхние ступени лестницы.

Затем до нее вдруг дошел смысл его слов.

– Да как вы смеете! Как смеете вы называть меня монашкой!

Но ведь она не сопротивлялась и даже не отдернула руки, когда этот человек целовал ее пальцы, она лишь стояла замерев и, исполненная трепетного страха и блаженства, наслаждалась этими мгновениями. Мысль о собственной недостойной слабости разозлила ее еще сильнее. Ее длинные распущенные волосы развевались вокруг плеч светлым блестящим облаком, отчасти застилая глаза, и она решительным движением отбросила их назад.

– Вы... вы распутник и негодяй...

Но он схватил ее за запястья прежде, чем она успела ударить его.

– Вы действительно хотите оскорбить меня, Селина? Тогда вам придется как следует постараться, так как я охотно соглашусь с тем, что я распутник, а негодяй... что ж, если это слово срывается с таких прелестных губ, как ваши, то я готов принять и его. А теперь идите ко мне, боюсь, вам придется расширить свой словарный запас. – И он притянул ее к себе, склонился и прильнул поцелуем к ее устам.

Глава 5

Никогда прежде мужчина не целовал Селину в губы. Сэр Хамфри был слишком занят неудержимым желанием поскорее раздеть ее, чтобы тратить время на излишние прелюдии, а потому ей не с чем было сравнить этот поцелуй. Не было

у нее и каких-либо ожиданий, которые могли бы оправдаться или, напротив, опечалить разочарованием. Она старалась держать себя в руках и сохранять спокойствие, чтобы высвободиться, как только Эшли ослабит хватку, но ей вдруг отказал здравый смысл, а руки и все тело перестали слушаться в тот самый миг, когда его жаркие уста коснулись ее губ.

Тепло и настойчивость мягких губ Эшли безмерно взволновали ее, но его неожиданный поступок без ее согласия вызвал гнев, и все же она чувствовала его близость и прикосновения языка к влажным краешкам ее рта, она даже разгадала отчаянные попытки заставить ее разомкнуть губы. Впрочем, она была непреклонна, стараясь не сделать этого, даже когда уже вдыхала пряный аромат его дыхания, смешанный со свежими запахами весеннего леса, окружавшего их, и терпким привкусом морского бриза. К стыду своему, Лина поняла, что сопротивляться ей вовсе и не хотелось.

Наконец Эшли отпустил ее запястья и одну ладонь прижал к ее спине, другую руку запустил в ее густые волосы и с наслаждением ощутил, как пальцы утонули в мягком шелке локонов. Потом у него вдруг вырвался тихий, хрипловатый стон удовольствия, оттого что ему удалось удачно изменить положение и повернуться спиной к перилам, Селина же тотчас оказалась в его крепких объятиях и снова почувствовала настойчивые движения его языка, старающегося проникнуть меж сомкнутых губ.

Она испытывала странное, новое для себя ощущение. Ее пронзала дрожь, переполняло томление и неодолимое желание, и зов внутреннего голоса «Остановись!» терялся в шумном и частом биении сердца и в тумане, который обволакивал все ее существо. Лина чуть разжала губы, и язык Квина в тот же миг ворвался в тепло ее рта. Ее охватил жар от столь непристойного, как ей казалось, вторжения, и на мгновение она замерла, не в силах ответить ему. Впрочем, ее тело прекрасно знало, как действовать; ее собственный язык стал двигаться, сплетаясь с его языком, и вкус Эшли вдруг стал острее всех прочих чувств.

Он был охвачен возбуждением; она чувствовала, как к ней прижимается его твердая плоть, жаждущая нежности и тепла ее тела. Приступ тревоги и даже испуга вдруг вспыхнул в ней, но тотчас утонул в потоке новых ощущений. Руки Эшли скользили по ее телу, одна медленно спускалась, все сильнее прижимая ее к себе, другая пробиралась между их телами, чтобы обнять ладонью его грудь.

Длинные, умелые пальцы нашли край ее корсажа, скользнули под него и коснулись упругого выступающего соска. Вспышка яркого, обжигающего огня пронзила все ее тело от нежного прикосновения кончиков его пальцев. Такое действие потрясло Селину.

Точно в тумане, она понимала, что еще мгновение – и она потеряет всякий здравый смысл, полностью поддавшись воле своей неискушенной, несдержанной чувственности и искусному соблазнению Эшли. «Мы были так невинны... – Слова ее тетушки зазвучали в голове Лины. – Мы были невинны, нас соблазнили и разрушили нашу жизнь».

«Нет, остановись. Остановись немедленно». Она резким движением высвободилась из его объятий и стремительно побежала вниз по лестнице, не обращая внимания на то, что ступени были скользкие, а перила слишком старые, чтобы служить надежной опорой.

Она была уже почти в самом низу, когда вдруг потеряла равновесие и упала за шесть ступеней до конца лестницы, болезненно ударившись об острые деревянные края, приземлившись на уже пострадавшее бедро. Ей было больно до слез, но она была полна решимости не позволить себе расплакаться прямо у него на глазах, и она отчаянно старалась отдышаться, сдерживая слезы и проверяя, все ли кости у нее целы. Эшли устремился вниз по лестнице даже быстрее, чем она, перепрыгивая через ступени, резко остановился, взворошив мокрую листву, и склонился над ней, сжавшейся в неловкий комок у подножия лестницы.

– Черт возьми, что вы творите! Падение с такой лестницы может быть смертельным. Не шевелитесь. – Он опустился возле нее на колени. – Я же сказал, не шевелитесь. Где вам больно?

– Я взбиралась по этим ступеням вверх и вниз не один десяток раз, – возразила Лина. – Они опасны, только когда спасаешься бегством от распутника! Это вы во всем виноваты.

– Не было никакой нужды бежать от меня, простого «нет» было бы вполне достаточно. Здесь больно? – Он взял ее правую лодыжку, которая казалась такой хрупкой в его большой ладони, и с нежностью ощупывал ее.

– Да. – Она говорила отрывисто, стараясь стерпеть боль. – Больно везде. И уберите руку. Простого «нет» вы бы даже не заметили, я уверена в этом! Помешать вам смог бы только удар увесистого молота.

Он присел на корточки возле нее и улыбнулся, решив дождаться, пока она выплеснет весь свой гнев.

– Ваша нога изящна и прелестна, и все же необходимо проверить, цела ли она, – сказал он, и она поспешно оправила юбку, опустив ее на должную высоту.

Сам он, судя по всему, не испытывал ни малейшего стыда за то, что только что сделал, так как теперь развязал шнурки и снял с нее ботинки.

– Так, вы можете пошевелить пальцами? Хорошо. Покрутите стопой. Теперь ваши руки – пальцы, запястья. Отлично, ничего не сломано. – Он с легкостью снова надел на нее ботинки и ловко зашнуровал их, затем поднялся на ноги и протянул ей руки. – Поднимайтесь. Что с вами? – спросил он, когда она вскрикнула от боли, едва он обвил ее рукой, чтобы помочь идти.

– Мои ребра... По последним ступеням я буквально проехала, – с раздражением объяснила Селина. – К тому же мой... то есть моя... в общем, я неудачно приземлилась.

– Понятно. Будет лучше, если я отнесу вас к дому. – Эшли наклонился и подхватил ее на руки, прежде чем она успела воспротивиться. – И не думайте сопротивляться, иначе я уроню вас, и вы снова приземлитесь на вашу... на ту часть тела, которой вы только что так больно ударились.

Лина в мгновение ока очутилась у его груди, и все, что ей оставалось сделать, – это обнять его за шею одной рукой. В романтических романах, если героиня вдруг падает в уверенные, властные объятия героя, ее охватывает ураган чувств, которые описываются, как правило, как радостные, восхитительные, способные унести на седьмое небо от восторга.

Однако ничего подобного не происходит, если от падения болит все тело и тебя переполняют гнев и смущение, а мужчина, который так ловко подхватил тебя на руки, вовсе не благородный и безупречный герой, спешащий на спасение героини, а, напротив, персонаж резко отрицательный, скрывающий черты

развратника и подлеца за маской остроумия и очарования.

– Это целиком и полностью на вашей совести, милорд, – резко сказала она так близко к его уху, что он даже вздрогнул.

На его мочке она заметила темную точку и, поняв, что ухо проколото для ношения серьги, была искренне потрясена. По крайней мере, ему хватило порядочности не выставлять этого напоказ здесь, среди английского общества. Совсем не о таком первом поцелуе и первом романтическом свидании мечтала Лина. В нем не было ни капли нежности; он вызывал неприятное чувство стыда за возникшие бурные желания и возбуждал своей беззастенчивостью.

– Неужели? Я вовсе не приказывал вам бросаться стремглав по этой злосчастной лестнице.

– Я убегала из-за вашего нападения.

– Это вы напали на меня, – возразил он. – Вы укусили меня.

– Сначала вы меня поцеловали.

– Я лишь пытался вас поцеловать, – поправил ее Эшли. – И это было весьма приятно, по крайней мере до определенного момента. – Этот негодяй еще и улыбался. – Кроме того, вы пытались меня ударить.

– Лорд Дрейкотт, – сказала Лина со всей серьезностью, на которую была способна, хотя и знала, что едва ли может произвести особенно суровое впечатление. – Прежде всего вам не стоило и пытаться поцеловать меня.

Если бы только он был похож на сэра Хамфри Толхерста или любого другого из завсегдаев «Голубой двери», тогда наверняка он вселял бы в нее ужас. Но этот человек был привлекателен, полон обаяния.

Впрочем, дьявол, как любил говорить ее отец, надевает маску самого очарования, когда искушает неосторожного, доверчивого грешника.

– Я знаю. Но перед вами было абсолютно невозможно устоять. Я был весьма заинтригован образом скромной монашки, но когда она вдруг превратилась в своенравную валькирию, с горящим взглядом и волнами светлых волос, развевающихся на ветру, я потерял самообладание.

– Кто такая валькирия? – спросила Лина, подозревая, что это может быть еще одно из уклончивых названий для падшей женщины.

– Это героиня скандинавской мифологии, которая реет на крылатом коне над полем битвы и, собирая павших воинов, возвращает их в Валгаллу, обитель богов. Впрочем, не принимайте близко к сердцу эти древние легенды, лучше скажите: почему вы так рассердились, когда я назвал вас монашкой?

– Потому что... – Лина вдруг поняла, что не в силах объяснить ему этого. – А почему вы меня так называли?

– Простые платья, неизменно строгая линия выреза, тщательно убранные волосы и опущенный взгляд. Вот и образ безупречной юной монашки. Я полагаю, это была ваша идея сделать так, чтобы выглядеть старше своих лет и как можно больше походить на экономку.

– Ах, я... Я подумала, что это будет самым подходящим вариантом.

– Думаю, дядюшка Саймон не захотел бы, чтобы по нему носили траур, – с уверенностью произнес Эшли. Вдруг он оступился, но одним ловким движением вновь вернул себе равновесие и устойчивость, несмотря на груз, который нес в руках. Лина снова подумала о том, что он силен. – И в самом деле, я, пожалуй, прикажу запретить траур во всем поместье. И вы сможете носить свои прелестные нарядные платья.

– Я только что все их выкрасила в черный цвет, – сказала Лина, собравшись с силами и открыв глаза.

– Ну так купите новые, – беззаботным тоном посоветовал Эшли. – Сейчас вы можете себе это позволить.

– Да, пожалуй, могу. Мистер Хаверс сказал, что мне полагаются деньги на мелкие расходы. Тем не менее в любом случае я остаюсь экономкой.

– А мне нужна экономка? – спросил он. – Разве вы не можете вести себя как хозяйка дома и давать указания прислуге касательно того, что необходимо сделать?

«Хозяйка дома?» – про себя изумилась она. Неожиданный подтекст и косвенный намек, скрывавшийся в этой фразе, заставил Лину залиться румянцем.

– Ваша светлость, пожалуйста, поставьте меня на землю, – попросила Лина, когда они добрались до границы леса и дальнейший путь их проходил по ровной земле. – Будет крайне неудобно, если кто-нибудь из прислуги увидит меня в таком положении.

Не заставив себя ждать, он выполнил ее просьбу и осторожно поставил на ноги. Ее тело тотчас пронзила резкая боль, особенно в местах ушибов. Однако она стерпела молча, иначе он вновь подхватил бы ее на руки.

– Если мне не нужно будет выполнять никакую работу, я буду чувствовать себя приживалкой, бессовестно живущей за ваш счет.

Он аккуратно поддерживал ее, так что она опиралась на его большие руки, стоя при этом чересчур близко к нему. Она почувствовала, что его дыхание было слегка неровным, точно взволнованным, и по спине ее пробежала легкая дрожь. Что же было причиной его учащенного дыхания? Долгая дорога с нею на руках? Едва ли, ведь он был очень силен. Нет, наверняка он все еще был возбужден поцелуем и объятием.

– Вы будете жить за счет наследства Саймона. А в качестве экономки я вас увольняю, но вы можете сохранить за собой должность помощницы, если хотите. – Он неторопливо шел в направлении дома, и Лина семенила рядом с ним, стараясь не прихрамывать.

– Чьей помощницей?

– Моей, на то время, пока я здесь. Мне будет одиноко, поскольку никто из местных жителей не готов принимать меня у себя. – Он говорил искренне, совсем не стараясь вызвать жалость или сочувствие.

– Но есть же Грегор.

– Он вернется в Лондон, как только мы отберем часть необходимых книг и документов. Он откроет в городе дом, наймет прислугу, займется переговорами с нашими деловыми партнерами.

– Я думала, вы никогда не возвращались в Англию, – с сомнением сказала она. – Как же вы...

– Это никак не мешало мне приобретать собственность и вкладывать свой капитал в бизнес в этой стране. У меня есть здесь свои агенты, адвокаты и клиенты. Всю библиотеку, как только она станет моей, я перешлю отсюда в свой дом в Мейфэре. – Она подняла глаза и обнаружила, что он вдруг стал чрезвычайно серьезен. – Я полагаю, что в будущем стану проводить в Лондоне гораздо больше времени, посещая библиотеки, ученые сообщества, Британский музей.

– Но разве вы не путешественник по натуре?

– Между прочим, я еще и писатель. Настало время, когда я должен взяться за дело. Мне нужно больше писать, больше времени проводить в обществе, в полезных беседах, иначе я закончу как мой дражайший дядюшка и буду вынужден хитростью заставлять кого-нибудь завершить мой труд после моей смерти.

– То есть вы действительно ученый, – сказала Лина. Она была искренне удивлена; несмотря на то что рассказывал ей Тримбл, она не воспринимала всерьез его занятие наукой. – А я думала, вы лишь...

– Распутник? Да, признаю, я любитель приключений и авантюрист. Но, кроме того, я путешествую и занимаюсь торговлей. Все мы многогранны и что-то скрываем в себе, не так ли? Вы кажетесь кроткой, и мягкой, и скромной, но тем не менее сопротивляетесь и ругаетесь, словно ведьма, если вывести вас из себя. А еще вы целуетесь как... – Они снова приблизились к конному двору, и он

остановился. – И кстати, вы так и не ответили на мой вопрос. Почему вы так сердитесь, когда я называю вас монашкой?

– Потому что... – Лина почувствовала, как краска румянца снова заливает ее лицо. – Потому что это слово используется и в другом, не вполне пристойном значении, – невнятно пробормотала она и, несмотря на боль от ушибов, почти побежала от него, свернула за угол и поспешно вошла в дом через черный ход.

– Непристойное? – Квин в изумлении смотрел вслед Селине. Да, надо признать, он действительно не был в стране уже долгое время, но, когда он был здесь в последний раз, единственным непристойным значением женской обители, или монастыря, был бордель. Он развернулся и направился во двор, где Грегор, стоя на небольшой ступенчатой подставке, вел беседу со старшим конюхом.

– Добрый день, ваша светлость. – Мужчина, как он вспомнил, по имени Дженкс привычным жестом поправил челку. – Я как раз рассказывал этому джентльмену об охотничьих лошадях его светлости, старого барона. Печален был тот день, когда он решил продать их. У вас пара отличных верховых лошадей. Чистокровная арабская, насколько я вижу.

– Да, рост и экстерьер они унаследовали от охотничьих, а выносливость от арабских жеребцов. Они братья. Скажите мне, Дженкс, я недавно пришел к выводу, что не был в Англии так долго, что, должно быть, начал забывать язык. Какие существуют переносные значения для слов «монашка» и «монастырь»?

Мужчина с недоверием взглянул на него, затем ухмыльнулся:

– Видите ли, ваша светлость, единственным значением, которое известно мне, является наименование определенного заведения, если вы понимаете, о чем я, и девушек, которые в нем служат. Эдакий кроличий садок.

– Вы хотите сказать – бордель, ведь так? Да, именно так понимал это и я.

Что ж, это вполне объясняло неистовый гнев Селины, однако оставляло непонятным, откуда могла благородная молодая леди знать эти слова. Грегор сохранял невозмутимое выражение лица, что, очевидно, стоило ему немалых усилий.

– Спасибо, Дженкс. Я действительно не был здесь слишком давно.

– А ты расслабься, а то у тебя такой растерянный вид, – сказал он Грегору, как только они отошли достаточно далеко, так что конюх уже не мог их слышать. – Я прекрасно знал о существовании этого значения, просто думал, быть может, есть еще какое-то, которое мне неизвестно.

– Отличный термин для борделя, – серьезно отметил Грегор. – Этот ваш английский презабавный язык. Пожалуй, я отыщу один в Лондоне и схожу на исповедь к какой-нибудь милой монашке. Жаль, что вы все еще в немилости общества, друг мой, иначе вы могли бы устроить мне экскурсию, а я тоже мог бы поохотиться на девушек из высшего общества.

– Это займет некоторое время. Сначала мне придется принимать приглашения от любого, кто осмелится мне его предложить, – сказал Квин. – А затем, позднее, я стану вхож в общество и перееду. – Он думал об этом еще во время их долгого путешествия в Англию. – Мы сможем повеселиться и в обществе менее благородных, но зато более отчаянных дам.

– «Олмак»? – с надеждой спросил Грегор. – Я много слышал об этом клубе. Там бывает много юных девственниц. К тому же богатых.

– Двери «Олмака» закрыты для нас обоих, – заверил его Квин. – Но я бы заплатил кругленькую сумму, чтобы увидеть тебя там, эдакого большого злого волка среди невинных, беспомощных овечек. Нет, они не пустят нас и на порог... по крайней мере пока. Однако новый лорд Дрейкотт, с прочной репутацией путешественника и ученого, пожалуй, мог бы проникнуть в мир людей науки, многие из которых являются весьма влиятельными членами общества. Затем, чтобы сохранить свое место в этом чудесном узком кругу, ему останется лишь положиться на собственный ум и деньги и наслаждаться приятным обществом дам и сладкой, долгожданной мезью.

Это, должно быть, забавно. Шумное роскошное возвращение, очень далекое от возвращения раскаявшегося грешника, ставшего на путь исправления. Напротив, к ним вернется человек, исполненный ненависти за несправедливое изгнание.

И на этот раз, если кто-то из жен и дочерей аристократов захочет втянуть его в какую-то историю, он не станет колебаться ни секунды и согласится на все, что они ему предложат. Внезапно, едва он подумал об этом, приступ отвращения к себе окутал его дурманом. Ведь когда-то он был безупречным юным англичанином: галантным, любезным, порядочным и честным. «Дурак, – подумал он. – Только посмотри, до чего ты докатился». Невинность, потерянная однажды, утрачена навсегда – теперь он только тот, кем сделала его жизнь, результат тяжелого выбора и жестоких разочарований.

Тем не менее он не был намерен входить в общество Норфолка. Он должен был завершить мемуары дядюшки Саймона, перебрать его книги и бумаги, а кроме того, существовала еще и загадочная и пленительная мисс Хаддон... И что же с ней делать? Квин задавался этим вопросом, поднимаясь наверх, чтобы принять ванну перед запоздалым обедом. Ответ зависел от того, кем она была на самом деле. Юной невинной девушкой или кем-то другим?

Тот поцелуй на смотровой площадке, наверху, среди деревьев, был приятным и сладким, однако то, чем он закончился, не только принесло боль и разочарование, но и несколько сбило с толку. Он провел кончиком языка по пересохшим губам, пытаясь заставить себя думать об этом холодно и рационально, так как воспоминание о горячих прикосновениях губ Селины, ее податливом теле, острых зубках было чрезвычайно живым, а оттого безмерно возбуждало.

Она повела себя не как потрясенная случившимся девственница, думал он, стараясь не обращать внимания на тяжесть внизу живота, принимая холодную ванну. Она сопротивлялась буквально мгновение, но он решил, что это результат удивления или негодования. В ее действиях были осознанность и огонь неумолимой страсти, а также доля расчетливой хитрости, позволившей ей заманить его в свой плен, а потом укусить и сбежать. Несомненно, она злилась на него, но в то же время позволила ему нести ее на руках, спокойно и с интересом беседовала с ним.

Прошлой ночью она, кажется, была несколько пьяна и флиртовала – была ли это ее игривая шалость или невинность и безыскусная наивность в наивысшем ее проявлении?

Загадка Селины Хаддон определенно оставалась столь же интригующей. Квин провел пальцами по волосам, вздохнул и, увидев свое отражение в зеркале,

усмехнулся. Казалось, ему было просто необходимо еще раз поцеловать мисс Хаддон, если он хотел выяснить о ней еще хоть что-то.

– Похоже, вы чрезвычайно довольны собой, – заметил Грегор, появившись в двери чуть дальше по коридору, а Квин тотчас захлопнул свою. – Вы видели комнату, которую выделила мне ваша маленькая девственница?

– Она не моя маленькая, пока что, – сказал Квин, наблюдая, как русский входит в комнату позади него. – Черт возьми, это музей?

Кровать стояла словно в тесном зоопарке, переполненном чучелами всевозможных цветов и размеров, покрытыми перьями, мехом и чешуей.

– Похоже на то. – Грегор оттолкнул тяжелым сапогом чучело аллигатора. – У мисс Селины, оказывается, есть чувство юмора.

– Она сделала это в наказание за то, что ты дразнил своим поведением всю прислугу. – Квин огляделся. – Выбери для себя другую комнату.

– Быть может, заставить ее думать, что ей удалось напугать меня этими созданиями? – усмехнулся его собеседник. – Нет, пожалуй, я лучше щедро отблагодарю ее. Возможно, ей хотелось бы развлечься в этой обстановке. Наверное, ей понравилось бы.

– Руки прочь от нее. – Квин говорил негромко и мягко, но Грегор жестом показал, что сдается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/allen_luiza/nevesta-avantyurista

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)